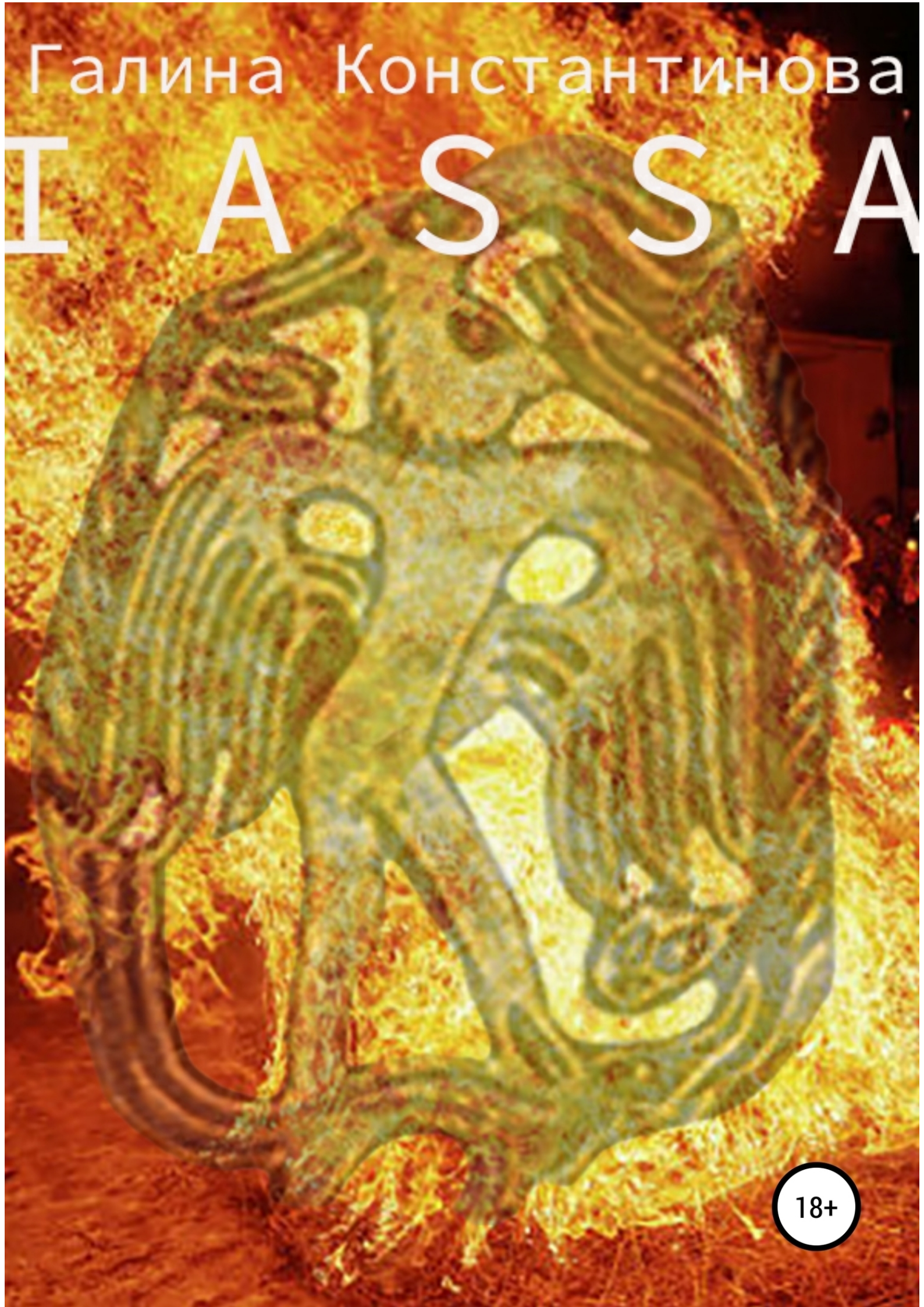

Галина Константинова
ТАССА

18+

Галина Константинова

Iassa

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Константинова Г.

Iassa / Г. Константинова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В семье главной героини Натальи муж и сын стали увлекаться эзотерикой, язычеством и прочими непонятными вещами. Неожиданно исчезает подруга сына, все подозрения указывают на причастность сына Сергея к этому исчезновению. Героиня романа постепенно начинает раскручивать историю круга его общения и выходит на учителя секты, которая существует под прикрытием фольклорного кружка. Организатор кружка поклоняется культу пекельного бога Яссы, которому, по преданию, нужно приносить жертвы. С помощью друга из правоохранительных органов Наталья начинает расследование этой тёмной истории, неожиданно попадая в различные приключения и даже нападения, организованные предводительницей секты, по совместительству психологом...

© Константинова Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая	5
Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть первая

Любые совпадения имен и событий случайны.

«В Приуралье, главным образом по берегам Камы и ее притоков, издавна находили отличные из бронзы диковинные бляшки с хорошо различимыми фигурками людей с лосиными и птичьими головами, птиц с человеческими ликами на груди, каких-то фантастических животных... Авторами этих изображений были литейщики легендарного племени чудь, населявшего когда-то север. Весь мир в их представлении делился на три яруса: верхний – небесный, средний – земной и нижний – подземный или подводный. Главным «хозяином» последнего является существо, «могущее жить и двигаться одинаково удобно как в воде, так и на суше». «Ящер» – так метко окрестил его 100 лет назад Ф. Теплоухов – неперенный участник композиций «шаманской» бронзы.»

Б. Макриджичев в статье «Чудский ящер – реликт мезозоя?»

Предисловие

Все началось с того дня, когда в наливающееся липкой жарой июльское утро мне позвонил следователь.

Впрочем, нужно рассказывать все по порядку, несмотря на то, что женщины отличаются хаотичной манерой изложения.

Это был обычный рабочий день, мы сидели узким коллективом нашего отдела, тихо-мирно пили чай и перебрасывались шуточками с Юркой.

– А вот помните, Наталья Владимировна, что Вы меня, как мальчика, провели?

– Где же помнить, Юрий Анатольевич, ведь это было так давно. Вы, наверное, про тортик за то, что Вы защищали меня от хулиганов?

– Да-да, именно. Там уже не тортик – много тортиков надо покупать.

Вообще-то он мой начальник, но младше меня, что и даёт мне право (да и ему тоже) на иронично-задиристый тон. А торт я ему действительно обещала.

И вот среди всей этой обычной утренней неразберихи (трескотни телефона, звуков быстро перелистываемых газет, чтения электронной почты) позвонил следователь и вызвал на допрос. По поводу исчезновения девушки – приятельницы моего сына. Конечно, я была в шоке и не могла заняться своей работой. А работа «у меня проста, я смотрю на снег», но смотрю я не на снег, а на чистый лист и пытаюсь выжать рекламный текст.

Глава 1

У меня была семья. Моя семья – это муж Володя, мы с ним ровесники, сын Серёжа, он учится на физфаке в университете, и собака Джина. Джина уже старая собака, ей двенадцать лет, у неё слезятся глаза, и за ней трудно уследить, чтобы потом не ходить и не подтирать за ней тряпкой. Володя тоже физик, но так и не смог полностью «включиться» в перестройку, потому и работает администратором сети на одном из увядающих заводов. У нас была дружная семья. Мы часто ходили в лес, в театр, у нас собирались друзья, да и Серёжа всегда был открытым, весёлым мальчиком, играл на гитаре, делился со мной своими переживаниями, его друзья тоже приходили, слушали музыку, веселились в Интернете, все было обычно, и в то же время незыблемо, прочно, как сам мир...

Весна была затяжная, с холодными ветрами. На дорогах было повидло из подтаявшего снега и грязи, во всём ощущалась дисгармония. Я всё время задерживалась на работе, мы сдавали новый проект, и Юрка прямо замучил меня совещаниями и обсуждениями. Я пропустила тот момент, когда в нашем тихом доме все изменилось. Я приходила буквально без чувств и валилась спать. Серёжа сидел, закрывшись у себя в комнате, и вяло отвечал через дверь, что есть он не хочет, потому что читает. Что читаешь, спрашивала я. Так, всякое разное, тебе это неинтересно. Ну, а всё-таки? Разное, был ответ.

У Серёжи завелась новая подружка, Лада, девочка приветливая, аккуратная, но вся какая-то серенькая, тихая. Училась она на филфаке. Сначала мне это даже понравилось – физики и лирики. Я потихоньку стала спрашивать у Серёжи, кто её родители, где она живет. В общаге, отвечал он. Родители в области. А то я и смотрю, какая-то она вся плохо одетая. Не в одежде душа человека, отвечал он.

В общем, девочка не нашего круга, не пара она моему Серёже, он у нас мальчик видный, умница, всегда учился на одни пятерки, непьющий и подающий большие надежды. Я всерьёз подумывала, чтобы он поехал в следующем году поучиться в Европу или даже Америку. Уже вела соответствующие беседы с деканом факультета, благо это наш сосед по даче. Но Серёжа уперся как баран, когда я ему просто мягко намекнула, что Лада – это не девушка его мечты, что ему нужно думать о партии более подходящей.

В один из вечеров я всё-таки зашла в его комнату и уселась перед ним в кресло.

– Ну, расскажи мне, сын, чем ты сейчас занимаешься? Покажи мне книжки свои.

– Ничего особенного, то же, что читают все. Кастанеда, Бах, а это и вовсе тебе неинтересно, тут про наше сознание и подсознание. Вот только это тебя может заинтересовать, всё-таки ты у нас любишь фольклор, древние боги славян, дохристианская религия.

– И что же ты в этом нашёл?

– Мама, это интересно. Мы с Ладой занимаемся в фольклорном ансамбле, Лада очень хорошо поёт, у нас такая тёплая атмосфера, все приходят в приподнятом настроении. Мама, мы хотим знать свою историю.

– Ладно, занимайтесь, конечно... Но почему ты сегодня опять не поел? Я приготовила мясо по-французски, а ты ничего не попробовал.

– Мама, я не хочу мясо. Подумай, ведь мы убиваем животных, они-то в чем перед нами провинились, а ведь у них есть душа.

– Послушай, но, если бы люди не ели мясо, у них вряд ли бы развился интеллект. Ты что, всерьёз решил отказаться от мяса? Кто весь этот бред внушил в твою голову?

– Мама, это совсем не бред. Человек должен пытаться разобраться в себе и окружающем мире. Иначе не будет гармонии, равновесия. Употребляя в пищу невинных животных, мы увеличиваем зло в мире. Пойми, цивилизация, по сути, есть путь к гибели. Вот ты трудишься,

зарабатываешь деньги, покупаешь всё новые и новые вещи, хочешь купить то-то и то-то. Подумай – ты достигаешь цели, а дальше – что? Стала ли ты от этого счастливее? Улучшилось ли что-то в мире оттого, что ты заработала и купила больше?

В общем, мне всё уже было понятно. На Серёжу оказывает влияние Лада. Или кто-то ещё. Нет, пожалуй, эта девочка не столь умна, чтобы Серёжа так сильно изменился. Она заходила за ним домой, и они шли заниматься в свой ансамбль. Мясо он действительно есть перестал, а взгляд его был несколько отсутствующим. В комнате аккуратной стопочкой лежали распечатки, что-то про гибельность цивилизации, состояние равновесия, в общем, бред чистой воды.

Серёжа все глубже уходил в себя, и никакие мои просьбы на него не действовали. Я пыталась растормошить Володю, но его образ жизни довольно специфичен, вечером он просит, чтобы ему не мешали немного вздремнуть, а ночью сидит в Интернете. Раньше я не придавала этому значения, а сейчас мое равновесие определенно пошатнулось. Может, прав был Серёжа?

Глава 2

Я оказалась в тупике. Мне хотелось знать больше – но передо мной все ставили и ставили стены. Будто Серёжа убегал от меня на сером волке и кидал камушки, которые вырастали в горы, брызгал каплями воды, которые превращались в озера, или будто я бежала за ним, как Алиса в Зазеркалье, все отдаляясь и отдаляясь. Чем больше я усиливала натиск, тем меньше ответов получала. Наивно думая, что можно взывать к его аналитическому уму, я приводила доводы, что мы все живем в социуме, по своим законам, которыми нельзя пренебречь, что гармония должна присутствовать прежде всего между близкими людьми. Он смотрел на меня прозрачным взглядом, потом оборачивался к Ладе, и они уходили.

В мае я не выдержала и решила всё узнать. В университете мне сказали, что действительно, ансамбль такой существует, руководитель Галицкая Анна Васильевна, очень милая женщина, преподает фольклор, какие, мол, у вас к ней претензии? Ребята не колются наркотиками, занимаются по вечерам, устраивают концерты, праздники народные будут отмечать, выезжать на природу. Вы, мол, что-то нервничаете, и абсолютно зря. Это самое невинное занятие, какое только можно предположить. Нет, к сожалению, Анна Васильевна не любит, когда к ней на занятия ходит кто-то посторонний, она считает, что тем самым можно сорвать репетицию, а у них не просто репетиции, можно сказать, единение душ происходит.

Но помилуйте, вспыхнула я, должна же я знать, где и как, и чем занимается мой ребёнок! Он у Вас лялька, что ли? Самостоятельный человек, мамаша, успокойтесь. Вот, присядьте, валерьянки выпейте, и вообще, откуда такие подозрения? Я начала сбивчиво рассказывать о странных книгах, секретарь кивала головой, а потом горячо меня убеждала, что эта ересь совсем не от Анны Васильевны. Похоже, она была просто очарована этой неизвестной Галицкой. Но я чувствовала, что истина где-то рядом.

Когда я пришла домой, никого не было. Удивительно тихо. Джина тихо поскуливала, просила еды. Что же, никто не накормил её за целый день? На столе лежала записка «Мама, мы уехали на пару дней за город». Вот как. Я кинулась в комнату, странно, ни книг, ничего. Чистый, девственный стол. Я позвонила приятелю, он мне нашёл эту Аннушку по базе. Что я ей скажу? А вдруг она и вправду, чиста и невинна? Пожалуй, рановато звонить. Но всё-таки набрала номер. Автоответчик душевным голосом ответил, что Анна Васильевна будет отсутствовать два дня. Значит, они куда-то уехали, наверное, группой своей...

Володя уехал на дачу, а я бесцельно ходила по квартире, пытаюсь понять, почему все изменилось в моей жизни. Нет, думала я, так просто я сдать не могу. Я дала сыну слишком много, чтобы оставить попытки его спасти. Я докопаюсь, я разыщу, я пойму...

Серёжа приехал такой счастливый. И сразу же, после того как он переступил порог дома, я увидела, как он надел маску безразличия. Как отдохнул, чем занимался? Мы были в лесу, очень далеко, там, где нет ничего – ни машин, ни сотовых телефонов. Где только лес, река, небо и вся Вселенная.

– Чем же тебе не угодил цивилизация?

– Мама, понимаешь, есть Природа, и она может нас наполнить энергией только в одном случае – когда мы откажемся от костылей, которые нам предлагает цивилизация. Мы должны следовать природе, это источник энергии и равновесия. Добро и Зло находятся в равновесии. И наш долг – это равновесие не нарушать. Хотя это невозможно. Весы постоянно качаются то в одну сторону, то в другую. Чем больше зла, тем больше добра, и наоборот. Только это понимают избранные.

– Послушай, мальчик мой, скажи мне всю правду! Куда ты впутался? Я тебе помогу, мы с тобой выберемся, только скажи мне правду, не мучай меня!

Я пыривалась его обнять, но он холодно отстранился.

– Ты бредишь. Ни во что криминальное я не ввязался. Просто... мне интересно общаться с умными людьми, конечно, мои взгляды тебе кажутся странными, ты просто никогда об этом не задумывалась. Ты сидишь на своей работе и ничего не замечаешь вокруг. Вот что есть твоя реклама? Чистый бред. Пытаетесь влезть в подсознание человека, чтобы он купил этот ваш товар. Потреблять, потреблять, ещё раз потреблять. Мы выкинули старую идеологию и впечатываем новую, я ведь это еще в школе понял, просто сейчас это стало оформляться. Пойми, я так жить не хочу. Человек может обойтись минимумом. И не буду я делать карьеру – мне это неинтересно, пойми. Читаешь высказывания знаменитых людей в автобусах? Прежде чем поставить перед собой какую-то цель, посмотри на тех, кто этой цели достиг – так, кажется. Я смотрю на тебя, на людей вокруг – муравьишки, которые видят только землю, ну, в лучшем случае, крышу муравейника. Купить, продать, ловко выкрутиться... Мелко это всё.

– Серёжа, милый мой мальчик, я все понимаю, но объясни мне хотя бы – куда ты ходишь? С какими людьми ты общаешься?

– Я же тебе говорил. Мы с Анной Васильевной занимаемся. Вот пришла бы, послушала... Нет, она этого не любит. Тем более, скоро я, возможно, стану... – он остановился на полуслове.

– Кем?

– Да нет, ничего. Мы просто поём песни, изучаем обряды. Скоро будет много летних праздников, ярких, заводных. Тысячелетняя история христианства не смогла задушить ничего в народе. И это здорово, понимаешь. В народных обрядах столько чистоты, первобытности, ощущаешь себя свободным... Подлинно свободным, внутреннее ощущение, будто крылья растут...

– ... как Катерина – встала бы и полетела, как птица. Свобода от чего? Свобода для чего?

Серёжа начинал нервничать, словно я медленно проводила плёткой по истерзанной спине. Я чувствовала, что всё, что он говорит – это просто набор фраз, который ему внушила, как уже становилось понятно, Галицкая. Он как будто был здесь и не здесь – настолько отсутствующим был его взгляд. Да это чистая суггестия, мальчик не понимает, что его просто зомбируют, используют как помойную яму для всякой чепухи. Я твёрдо решила, что Галицкая сильно пожалеет о том, что выбрала моего мальчика в качестве объекта. Она, очевидно, тётянка непростая, но мы ещё не таких заставляли утираться горькими слезами... Я вся кипела, мне хотелось встряхнуть своего сына. Но очевидным было только одно – он заикнулся, даже логика стала отсутствовать в его рассуждениях...

Я позвонила своей подруге Жанне. С Жанной я знакома очень давно, лет десять. Когда-то вместе работали, да и сейчас делимся всеми бедами друг с другом. Она выслушала мой длинный монолог. А Володька что говорит? Володька вообще отмалчивается и советует не «напрягать» парня понапрасну. Странно, говорит Жанна, вроде отец. Самое весёлое, отвечаю я, что они, мне кажется, даже чуть-чуть сблизилась за последнее время. Закроются в комнате и слушают музыку. А на самом деле разговаривают, музыка – это только прикрытие. Разобрать ничего нельзя. Слушай, говорит мне Жанна, давай я позвоню знакомому дяденьке, он там со службами связан, приставим к твоей Галицкой человечка, покопаем его. Это же секта какая-то, никак не меньше. Сама говоришь – взгляд у него совсем прозрачный, и ничего понимать не хочет. Давай, давай...

Глава 3

– Наталья Владимировна? Здравствуйте. Меня зовут Антон. Мы можем где-нибудь встретиться?

Так началась моя шпионская жизнь. Идя на свидание с Антоном, я чувствовала себя разведчицей Кэт, до того было смешно.

Антон оказался милым мальчиком двадцати пяти лет, с хорошей спортивной фигурой и умным взглядом немного грустных карих глаз. Мы посидели в одном из уличных кафешек, и я ему кратко рассказала предысторию. Да, сами знаете, кто, имеют интерес к подобным личностям. Не переживайте, Наталья Владимировна, я постараюсь всё выяснить. Беда в том, что часто прижать организаторов сект бывает нелегко – нет состава преступления. Фольклорный кружок, говорите, ведёт? Вот-вот, всё чисто... Попробуем пощупать... У нас ведь как – если не убивают, значит, не запрещено... Все мы знаем наши законы.

На том мы и попрощались. Антон мне понравился, честно скажу. Даже что-то похожее на симпатию шевельнулось. Конечно, я не хочу это афишировать, но с мужем мы редко бываем в постели. Он больше с компьютером общается, чем со мной. Мне вспомнилась фраза: «может, твой муж смесь пищевода с компьютером» – вот это как раз мой случай.

А в тот момент они с Серёжей практически объединились против меня. На работе у меня была передышка, почему я и развила эту бурную деятельность по выяснению личности Галицкой. Правда, Антон просил ей пока не звонить. Тем временем дома я услышала обрывки из телефонного разговора, Серёжа с кем-то говорил довольно почтительно, что да, он заработает деньги, для такого дела денег не жалко. Я внезапно появилась рядом с ним, и он быстро попрощался.

– Для чего тебе нужны деньги? И как ты их собираешься заработать?

– Вот сдам сессию, и пойду работать.

– Кем?

– Да хоть сторожем ночным. Папа тоже подрабатывал в студенчестве.

– На что тебе нужны деньги? Ты можешь попросить у меня.

– Попросить у тебя – хорошая идея. Но я хочу, чтобы деньги были исключительно мои.

Понимаешь...

– Без труда не вытянешь и рыбку из пруда? Так для чего деньги?

– Ну, понимаешь, у нас будет небольшой поход летом, это очень важно, туда же, помнишь, я тебе говорил, мы там будем жить примерно месяц...

– Так сколько тебе нужно?

– Мама, ты не поняла, основное условие – что это должны быть мои деньги. Иначе равновесия не будет.

– Не морочь мне голову со своим равновесием, я тебя умоляю! Скоро я в командировку поеду, так что справляйтесь тут без меня сами. Последи, чтобы отец хоть что-то ел, а не бегал с бутербродами.

– Мам, а ты не заметила, что он тоже не ест колбасу?

– Vegetарианцы, значит! Что ж. Давайте. Будете бледными, вялыми и в меру здоровыми.

Вот это новость, что и Володька не ест колбасу. Я вообще, где живу-то? Я немедленно набрала номер Антона. Похоже, я его оторвала от каких-то личных дел, голос у него был нервный. Нет, пока ничего криминального мы не нарыли. Давайте встретимся, я Вам всё расскажу. Я прикрыла трубку рукой, потому что мимо проходил Володя. Он поглядел мимо меня, странным пустым взглядом. В руках у него была какая-то распечатка. Время было позднее, скорее всего, он только что оторвался от своего любимого компьютера. Мы с Антоном договорились встретиться, я как раз по делам должна была поехать в центр. Пришлось быстро свернуть раз-

говор, и я решила зайти в гостиную, где обычно обитал мой благоверный. Компьютер был включен, на экране был какой-то текст. Я решила вчитаться.

«Цивилизация губит мир, и Великое падение неминуемо. Это случится в ближайшее время. Выживут только те, кто совершенствует свое «Я», и познает его». Что за чушь, подумала я. Похоже, у нас в доме просто эпидемия какая-то. В комнату зашел Володя.

– Ты мне можешь объяснить, что происходит?

– Ничего, – ответил он, одновременно блокируя экран.

– В конце концов, я должна знать, чем занимается мой муж и мой сын!

– Наталья, ты грузишься на работе своими проблемами – вот и грузись.

– Вместо того чтобы мальчика вытащить, ты сам туда втягиваешься!

– Послушай, ты ничего не знаешь. А то, что ты увидела на экране – ни о чём не говорит.

Оставь нас в покое, в конце концов. Мы живём, как нам нравится.

– Значит, вы решили стать аутсайдерами? Будете ждать конца света и самосовершенствоваться?

– Ты пытаешься все вещи обозначить словами.

– По крайней мере, меня так учили – мысли облекать в слова.

– Слова – это пустые символы.

– Володя, послушай, в нашей семье образовалась трещина, я не в большинстве в этой игре трёх человек. Объясните мне, я хочу восстановить мир.

– Мне кажется, ты ещё не совсем готова это воспринять правильно. Человек должен быть свободным, понимаешь? У него должна быть свобода в выборе литературы, убеждений, увлечений...

– Свобода! Значит, все в этом доме захотели свободы? Что ж.

Чужой, и Володька стал чужой... Почему? Почему странные тексты так их увлекают? Почему эта вся химера стала им дороже реальной жизни? Вся ситуация была настолько глупой, будто меня провели, как маленькую девочку. Уже поздно, но я решила позвонить Галицкой.

– Анна Васильевна? Здравствуйте. Это Вам Света Соколова позвонила.

– Здравствуйте, Света, – ответила Галицкая, будто мы вчера расстались. – Как поживаете?

– Знаете, у меня опять проблемы, немного другого характера, чем были раньше.

– Давайте, обрисуйте кратко, мы с Вами договоримся и встретимся.

– Понимаете, со мной расстался любимый человек, вернее, хочет расстаться.

– Это у Вас страх – потерять любимого человека, понимаете? Приходите, мы с Вами все обсудим, решим, как Вам от этого страха избавиться.

– Знаете, Анна Васильевна, я сейчас немного в затруднительном положении, какую сумму нужно приготовить?

Я почувствовала, что с той стороны возникло напряжение. Так, значит, вопрос, который был задан спонтанно, был совсем излишним. Значит, добрая тетя Аня берет деньги за свои услуги. А я ведь блефовала просто так, значит, что-то тут есть, что стоит разведать.

– Света, размер благодарности у меня не изменился, но, если Вам это сейчас затруднительно, мы можем остановиться на меньшей сумме. Вы не переживайте, главное – чтобы Вам помочь. Деньги – это просто плата за знания.

Не альтруистка Вы, госпожа Галицкая. Бедная женщина обратилась к Вам в критическую минуту своей жизни, между прочим, у неё тут любовь-лямур дышит на ладан, а вы со своими деньгами за непонятные знания. Чему ты можешь научить, тётенька? Так я стояла и злилась на себя, на Галицкую, на всех на свете. Меня ещё полночи лихорадило, так просто – позвонила, договорилась, и все проблемы решены. И снились дурные сны.

Мы сидим с Серёжей на берегу какого-то ручья, очень похожего на нашу местную мелкую речушку, которая имеет несчастье протекать в центре нашего промышленного города. Несчастье – потому что её воды давно имеют серо-буро-малиновые оттенки, и химический анализ напоминает известный всем анализ.

Вот на берегу такой «живописной» реки мы и сидим с Серёжей.

Серёжа меня спрашивает голосом, очень похожим на голос Галицкой:

– У тебя проблемы? Выпей это.

Он берет чашку из нашего китайского фарфорового сервиза, которая возникла в его руке, словно у фокусника, и зачерпывает из реки.

– Пей!

Разумеется, у меня возникает непреодолимый рвотный рефлекс, и я отталкиваю чашку рукой.

– Ну что ты, пей!

– Не могу! – Почти кричу я, зажимая руками рот и нос одновременно.

Продолжая действие в духе Копперфильда, он чудесным образом берет откуда-то из воздуха некий чёрный порошок. Медленно, словно отсчитывая каждую крупинку, он сыплет чёрный порошок в чашку и снова протягивает мне. Краем глаза я замечаю, как резко меняется пейзаж вокруг. Теперь это не наша городская речка, больше похожая на свалку, а кристально чистая лесная красавица. Вместо обёрток от жвачки и презервативов на бережке изумрудно поблескивает умытая росой трава. Серёжа говорит уже своим голосом:

– Пей, это напиток богов. Тебя не будут волновать никакие проблемы, ты увидишь то, чего не замечала раньше.

От чашки по воздуху разливается удивительный запах. Мне начинает казаться, что я даже вижу это движение запаха, направленное в мою сторону, его волны идут исключительно ко мне, вопреки всем законам физики. Слово заворожённая, я беру чашку из рук Серёжи и пью этот действительно божественный напиток. Я пью этот напиток, абсолютно забыв, что несколько минут назад отказывалась это делать. С благоговением я возвращаю чашку назад.

Пейзаж вокруг снова делает откат в предыдущий эпизод. Изломанные зубья консервных банок, вздувшиеся паруса выброшенных полиэтиленовых пакетов, выпотрошенная банановая кожура, размокшие окурки со следами губной помады. А во рту я отчётливо ощущаю послевкусие – сильно напоминающее корень слова, от которого произошло народное название городской реки...

Глава 4

Мы сидели с Антоном на скамейке. Он показал мне фотографию Галицкой. Нормальная баба под пятьдесят лет. Даже красивая. Антон нервно курил и говорил, что у неё филологическое и психологическое образование. Никогда не была нигде замечена. Разведена, сын живет отдельно. Её никак не зацепить.

Что она делает – в свое удовольствие – бесплатно ведёт фольклорный кружок. «Бесплатно?» – переспросила я. Сегодня утром я обнаружила исчезновение стодолларовой купюры. Скандал поднимать не стала, Серёжа уже ушёл. Я была уверена, что эти деньги взял именно он.

Потом я рассказала Антону о вчерашнем разговоре. Вообще-то, соседи видят, что к ней ходит много людей, подтвердил Антон, в основном молодежь, но сидят тихо, никаких замечаний не поступало. А нельзя ли устроить слежку за квартирой, предположила я. На это должны быть санкции, а так просто этим никто заниматься не будет. Я убью эту стерву, негодовала я. Антон погладил мою руку, пытаясь успокоить.

– Ты pomoжешь мне?

– Конечно, Наташа.

Первый раз он назвал меня просто по имени. А мышцы у него ничего, пронеслась мысль, а взгляд остановился на поблескивающем от пота оголенном плече. Когда-то и Володька был подтянутым и мускулистым. А сейчас как старый дед – сидит, скрючившись за своими железками, ни к чему не стремится. Сама я всегда пыталась поддерживать форму, иначе на моей работе нельзя.

Потенциальный клиент должен видеть бодрую, наполненную здоровьем женщину – иначе как его убедить, что в нашей фирме из его практически непродávаемого товара можно сделать бренд. Конечно, у нас нет сейчас таких диких «разборок», описанных у Пелевина, но летом наблюдается вялость рынка. Вот и на последнюю ярмарку мой начальник решил не заявляться – ну кто летом на эту выставку придёт...

На самом деле мысли о работе не покидали меня даже в эту минуту, как раз сейчас я шла к одному из клиентов, потому была в светлом деловом костюме, что ужасно диссонировало с чёрной майкой Антона.

– Может, вечером куда-нибудь ходим?

– Хорошая мысль... Только нужно придумать какую-нибудь легенду. Хотя, вполне возможно, что дома даже не заметят мое отсутствие. Там у них есть дела более интересные и познавательные.

– Договорились.

Вечером мы сидели в баре. Говорить о Галицкой не хотелось. Мы даже потанцевали, хотя здесь обычно не танцуют.

В общем, когда меня посадили в машину, я была порядком пьяна и, кажется, немного курила. На мобильнике я видела SMS-ки, посылаемые Володей, но отвечать на них не стала. Свет горел во всех комнатах.

– Где ты была?

– Ну не смотри на меня, как Ленин на буржуазию в семнадцатом году!

– От тебя вином пахнет... И сигаретами... С кем ты пила?

– Пахнет вином, говоришь? Именно так пахнет свобода, милый... Да, я отключала телефон. С Жанной встречались. Не хотела тебе звонить, понимаешь.

– Ладно, ложись спать.

– А Серёжа дома?

– Нет, он у ребят в общежитии остался.

– А... Понятно. У Лады опять? Кстати, я давно хотела с тобой поговорить на эту тему. Собственно, я не против танцев – пусть занимается в своих фольклорных кружках. Мне только не нравится, что эта Лада крутится вокруг него. Не пара она нашему мальчику. Я вот его с одной очень хорошей девочкой хотела познакомить. Дочка начальника одного из наших клиентов. Прелесть девочка, чистенькая, ухоженная.

– Ты выбираешь ему невесту, или хочешь позиционировать в его сознании определенный стереотип?

– Послушай, Володя, ты бы тоже мог работать не простым админом, а уже, как минимум, начальником отдела. Ну, не захотел, ладно. Но мальчику-то зачем жизнь портить? Начнёт ему эта Лада детишек разводить, а ему доучиться спокойно надо, и пристраивать куда-нибудь в тёплое место.

– Тёплое место, говоришь? А сама-то, почему не в «тёплом месте» работаешь? Носишься со своей работой по десять часов в сутки, зарабатываешь, конечно, но ты посмотри, у тебя ведь совсем нет личного времени, ты просто винтик в отлаженном механизме. Когда мы последний раз куда-нибудь ездили?

– Ты меня в этом обвиняешь? – я даже протрезвела. – Не сам ли ты от меня отдалился?

– Да, конечно, я виноват, понимаешь, человеку свойственно быть в поиске, сейчас наши поиски тебе не нравятся. Что ж. У каждого – свой путь.

– Так... Давай так... Занимайтесь своими поисками... Я пошла спать...

Глава 5

Вот так прошёл июнь. В конце месяца я заметила, что Сергей активно готовится к какой-то поездке. Я спросила, куда. Да разве ты не знаешь, языческий праздник Ивана Купалы? Я твёрдо решила поехать за ним. Мы заранее обговорили с Антоном все детали.

Он ждал меня на своей «десятке» в условленном месте. Я как бы невзначай спросила, во сколько уезжает Серёжа, и с утра отправилась якобы за покупками. Володя был на даче. Мы сидели с Антоном в засаде, как в лучших шпионских фильмах, и наблюдали за дверью подъезда. К моему удивлению, подъехал Володя на нашей машине, а через некоторое время вышел с Серёжей. Значит, он вернулся с дачи, чтобы ехать на этот праздник. Я надела тёмные очки, пересела на заднее сиденье, и мы стали преследовать машину. В городе это было несложно, но после того, как промелькнули последние автостоянки, пришлось отстать.

– У тебя не завалюсь запасной машины, Джеймс Бонд?

– Знаешь, нет. Ни ручек-стрелялок, ни взрывных устройств – ничего, понимаешь. Не Джеймс Бонд, а лох просто.

– Ага, только бицепсы-трицепсы остались. И чёрные очки.

– Ты меня ни с кем не путаешь? Я не терминатор.

Так мы ехали, перекидываясь фразами, пытаюсь пристроиться за какой-нибудь машиной, чтобы не сильно было заметно, что мы кого-то преследуем.

– Уже отъехали пятьдесят километров от города. Я вообще этих мест не знаю, – сказал Антон.

– Я тем более, у нас дача совсем в другой стороне. Смотри, машин прибавилось. Похоже, тут мероприятие-то солидное.

– Да, жалко, что у нас нет VIP-приглашений. Кстати, это замечательно, что народу много. Легче затеряться.

Дорога уходила в лес. Вдали явственно проступали очертания поляны. Почти как в студенческой молодости – турслёты, маёвки, тусовки. Дымились костры, и всё время подъезжали машины.

– Сними очки, тебя здесь никто не узнает. И вот, надень платье в народном стиле.

– Ага, я грим дома забыла. Надо было Бабой Ягой нарядиться, вспомнить молодость. Когда-то в пионерском лагере я смотрелась в этой роли почти как Сара Бернар.

– Не смешно. Я тебе парик припас.

– Сплошной водевиль.

Тем не менее, мы выскользнули из машины и отправились в ближайшие кусты. Я сняла джинсы, а Антон всё это время смотрел на меня.

– У тебя прекрасная фигура.

– Сейчас от этой фигуры ничего не останется – комары съедят.

– Я об этом побеспокоился, – он достал баллончик с репеллентом.

– Предусмотрительный какой.

– Видишь ли, на войне как на войне. В такой войне трудно победить другими методами.

Иногда, если не можешь контролировать процесс, лучше стать во главе.

Я не обратила внимания на его последнюю фразу, так как пыталась натянуть на себя парик роковой брюнетки.

– Может, ещё платочек повязать? Русская разведчица Кэт на важном задании.

– Это уже лишнее.

Мы вышли из засады и стали приближаться к толпе. Было не менее ста человек, как мне показалось. Я стала искать глазами Серёжу, но внезапно почувствовала на себе чей-то взгляд. Так и есть.

Метрах в десяти от меня стояла Галицкая. Она была в чёрном длинном платье, с распущенными волосами. В неверном свете разгорающихся костров мне показалось, что у неё глаза разного цвета. Она стояла, окружённая молодыми девочками и мальчиками, что-то говорила им, и одновременно смотрела на меня. Мне стало не по себе от её изучающего взгляда. Потом она перевела взгляд на Антона. В моей голове пронеслась неясная догадка, но я не успела схватить за хвост эту упорхнувшую птичку-мысль.

Шли приготовления к празднику. Антон быстро включился в работу, как будто был свой. Да, возможно, так и нужно было сделать, он переговаривался с людьми, шутил, пытался подключить меня к своей игре. Повсюду ходили люди, обвитые зеленью, кажется, их называют «русальцами». Они пели купальские песни, размахивая своими жезлами, на концах которых были специально выдолбленные отверстия для трав. Травы дымились, и густой пряный запах навязчиво влезал в ноздри.

Мне было странно и удивительно наблюдать просветлённые лица, окружавшие меня со всех сторон. Я старалась держаться в тени, издали наблюдая за Серёжей и Володей. Серёжа не отходил от Галицкой. Она стояла как царица, видно было, что она здесь всем руководит, и ничто не ускользает от её взора. Может быть, во мне заговорила материнская ревность, но мне и вправду стало завидно оттого, с каким благоговением на неё смотрел мой Серёжа!

Чучело Купалы, одетое в красный сарафан, украшенное лентами и венком из полевых цветов, ждало своего часа.

Почему-то я вспомнила недавно прочитанную статью, кажется, в «Комсомолке». Автор просто подвергся бесчисленным нападкам и был заклеимён как пособник американизмов, слюна недоброжелателей текла как у собаки Павлова от запаха его семитских корней. Статья была о Крестном ходе. О том, как под знаменами православия собрались и монархисты, и шовинисты, и бабушки-старушки, и дети, и студенты. Преодолевая грязь, холод, лишения невольно начинаешь верить в Бога – это испытал на себе и автор статьи. Он писал о просветлённых лицах, о чистоте душ, о радости и гармонии. И здесь, на языческом празднике, я увидела те же самые пресловутые лица. Чистота без жертвенности, без выражения муки на лице, без антагонизма к окружающему миру. Так ли всё это плохо, неожиданно для себя, впервые, задала я вопрос, обращённый неизвестно к кому. Тут Антон подошел ко мне сзади и тихо шепнул:

– Наташа, я тебе хотел кое-что показать. Только тихо. Я сейчас иду в сторону машин. Ты идёшь через пять минут. Не оглядывайся.

Я опять почувствовала себя персонажем какого-то боевика. Вокруг были добрые, доверчивые, улыбающиеся люди. Лицо Галицкой мне не нравилось по определению. Но это лицо нельзя было упрекнуть в недоброжелательности. Я пыталась вслушаться в то, что она говорит окружающим. Но это были ничего не значащие фразы организационного характера. Тем не менее, слушали её с восхищением. Иногда, как рябь на глади моря, проносилось только одно слово: «Учитель».

Вся эта история с фольклорным кружком непонятого назначения давно заставила меня начать штудирование книг по этой тематике. Консультантов по этой части у нас в стране сейчас пруд пруди.

Я залезла на какой-то форум, прикинулась новичком, и меня сразу же снабдили списком литературы, которую просто необходимо прочесть человеку, вставшему на путь духовного самосовершенствования. Кастанеду мне читать стало лень (представляю, как бы негодовали его почитатели), Баха прочла на одном дыхании. Да ещё дома был склад эзотерических журналов – какие-то «голоса духа», «познай себя», ну, и прочее, почти что «хочу всё знать».

Меня интересовал главный вопрос – если этот так называемый кружок – секта – то как она называется? Если есть какое-то учение, нельзя ли найти в этом учении изъяны? В любой логике можно найти слабые места, мне ли было не знать, как найти у противника его ахиллесову пяту? Прямых ответов от Серёжи я не услышала. Приходилось производить «раскопки» самостоятельно.

Дело осложнялось тем, что в нашей странной стране течений, групп и сект столько, что составить их полный список весьма затруднительно. Моя голова походила на большой мусорный бак, в который слили все отходы умственной деятельности. Серёжа дал мне подсказку – язычество – но это была слабая подсказка. Похоже, Галицкая действовала сама по себе – она была не просто проводником чьих-то идей, она сама эти идеи генерировала.

... Итак, через пять минут мы с Антоном стали отъезжать с этого праздника души.

– Куда едем?

– Как ни странно, в культовое место.

– Место паломничества новоиспеченных адептов?

– Нет, это место для избранных. Я хочу показать тебе языческий храм.

– Разве храм – это место не для всех верующих?

– Не для всех, – ответил Антон, набирая скорость.

Мы выехали на шоссе и минут двадцать летели с довольно приличной скоростью по прямой дороге. Потом дорога начала вилять, слева за перелеском виднелась отвесная стена. Антон свернул в лес и остановил машину.

– Дальше дорога только для пешеходов.

Он взял в руку мощный фонарь, и в темноте высветилась тропинка, ведущая в лес. Мне не хочется описывать элементы альпинизма, которые мы вынуждены были продемонстрировать друг другу, преодолевая почти отвесную стену, но Антон вёл себя по-джентельменски.

Наконец перед нашим взором простерлась небольшая плоская площадка, а на ней – прямоугольно огороженное кирпичной стеной пространство.

– Антон, мы что, будем прыгать и через эту стену?

– Ну что вы, мадам... Я не позволю вам в вашем роскошном вечернем платье второй раз совершать такой героический поступок.

– Кстати, мог бы дать мне возможность переодеться.

– Время, мадам, время... Сейчас я уверен, что Галицкая не покинет праздник, и вряд ли сможет застукать нас здесь. Тем более, я пошёл на маленький хулиганский поступок и чуть-чуть слил у неё бензин из бака. Вряд ли она будет афишировать, что хочет поехать подышать воздухом.

– Ладно, давай по делу.

– Если по делу – то от дверцы, которая там, за поворотом, у меня есть маленький золотой ключик.

– Отлично. Кстати, а как ты нашёл этот тихий райский уголок?

– Наталья, если контролировать процесс нельзя – нужно попытаться им управлять. Считай, что это секрет фирмы.

На этой игривой ноте он поковырялся в замке калитки, которая действительно оказалась за поворотом, и мы зашли во двор. Во дворе стоял небольшой аккуратный кирпичный домик, а перед домом все пространство было выложено каменной плиткой. Никаких хозяйственных построек, деревьев или цветов не наблюдалось.

– Это требище, – обвел рукой с фонарем Антон площадку, – в доме – капище.

Почему-то мне стало страшно. Вспомнилась всякая нечисть – ведьмы, русалки, водяные... То, что есть ещё Боги – забылось начисто. Антон подтолкнул меня по направлению к дому.

– Да не бойся ты. Здесь никого нет. Только идолы.

Но мои ноги не слушались.

– Наталья, да брось ты! Я калитку закрыл изнутри, на засов. Даже если кто и придет, то не сможет войти. Давай быстро все посмотрим – и назад. Теперь уже в город.

Фонарь жадно шарил по стенам. При входе стояло несколько свечей, но мы не решились их зажигать. На стене, расположенной напротив входа, было что-то вроде иконостаса. Идолы смотрели на нас своими пустыми чёрными глазницами, и на их потрескавшейся деревянной поверхности, казалось, отражалось недовольство от визита непрошенных гостей.

– Это что, раритеты? – спросила я.

– Нет, конечно. Искусные копии. Хотя... За всех идолов говорить не могу. Понимаешь, мы многого не знаем из своей истории. Где собирала этих богов Галицкая – одному Богу известно.

– М-да... Узнать бы, какому Богу именно это более всего нужно. Кстати, Антон, вот сейчас вспомнилось – они там все как загипнотизированные повторяли – «учитель, учитель».

– Я рад, что ты догадалась. Галицкая действительно «учитель», создала свое учение, но, на мой взгляд, это довольно грубая компиляция из языческих мифов, с примесью восточного колорита. До конца мы ещё не поняли.

– Я понимаю, что ты не можешь мне пока говорить всей информации. Так это и есть место, где они молятся?

– Да.

– Но здесь очень мало места. На поляне людей было гораздо больше.

– Я же тебе сказал – здесь молятся только избранные. Они называют себя «Видящие».

– Кто такие Видящие?

– Это те, которые видят, неужели непонятно.

– Видят – что?

Интересно, почему мальчик нервничает? Я задаю совершенно невинные вопросы, а он отвечает, словно я спрашиваю в семнадцатый раз.

– Видеть – это понятие многогранное. Видеть судьбу. Видеть суть вещей. Видеть прошлое и будущее. Видеть разницу между добром и злом. Короче говоря, в этой секте существует иерархия. Во главе, разумеется, Галицкая – учитель, авторитет. Видящие, то есть люди, прошедшие инициацию – её первые приближенные. В чём суть инициации, пока не выяснено. Ну, и третьи – это все остальные. Вполне безобидные люди, на мой взгляд. Занимаются народным искусством, иногда слушают беседы Галицкой о Добре и Зле и равновесии между ними. Сам я этих бесед, разумеется, не слышал. Со слов очевидцев. Есть ещё какие-то странные обряды, но это всё по-прежнему остается туманным. Люди не помнят деталей. Вот, собственно, и всё, что я хотел тебе рассказать и показать.

Никакой романтики. Мой страх прошёл, и я, держась за Антона, разглядывала деревянных идолов. Сейчас лица богов мне показались спокойными, словно наше вторжение перестало их волновать. В самом низу вместо идола было написано «Iassa».

– А это что? – спросила я, показывая на странную надпись.

– Очевидно, желание иметь в коллекции ещё одного идола. Это славянский пекельный бог. У него много названий, но изображений не встречается нигде. Кажется, только в одной книге я читал, что где-то в древнем славянском капище встречается его изображение... Но уже не помню, где. Но, кстати... – и он потянул меня за руку, увлекая к правой стене. Вдоль стены шел бордюр, и на нем стояли и лежали вещи, очевидно, имеющие культовое предназначение. Антон что-то искал с минуту, затем протянул мне плоский круглый камень.

– Посмотри. Это бляшки-сульде, вернее, копия.

Внизу полукругом вытянулась фигура ящера, вверху находились изображения двух голов то ли лосей, то ли оленей. В середине был изображен человек с крыльями.

– Ты спрашивала, кто такой Iassa? Это ящер. Змей подземно-водного царства. Просто это наше, славянское, древнее название, возможно, более древнее, чем Аид. Сульде относится к тому периоду, когда миром управляли две женщины-полулосихи, или полуоленихи, неважно. Мать и дочь, которые кидали с неба охотникам «оленцов малых», ну, и соответственно, был ящер, который заглатывал солнце к вечеру и вырыгивал его поутру, а этот человек с крыльями – шаман, полетевший к богиням за колдовской силой. По преданию, сначала он обошёл подземно-водный мир, затем средний мир – мир людей, и затем поднялся к оленихам. Вообще, языческие мифы у многих народов похожи – везде силы чёрные и силы белые, первые внизу, вторые – вверху. А шаманы то поднимаются по верёвочной лестнице на небо, то у них крылья отрастают, чтобы легче было лететь. Золотое время матриархата – все просто и ясно, и две реки вселенной – вот эти линии, посмотри...

– Ладно, спасибо за лекцию по истории. Вообще, место довольно интересное. Ещё бы увидеть, как происходят у них эти моления, или как они там называются.

– Вот тут, думаю, не будет ничего интересного, – внезапно оборвал меня Антон, открывая дверь, ясно намекая, что экскурсия окончена.

Мы закрыли калитку и вернулись к машине. Я всё-таки переделалась, пока Антон нервно курил сигарету, отвернувшись, и завалилась спать от переизбытка впечатлений на заднее сиденье машины. Тёплый пушистый джемпер способствовал моему укачиванию на заднем сиденье. Мне было настолько наплевать на неудобства, что я провалилась в сон, и это блаженное состояние было подобно состоянию невесомости. Сквозь сон я слышала шум начавшегося дождя, но этот шум успокаивал ещё больше. Потом наступила полная тишина.

Мне снится, что я в лесу, гуляю, у меня воздушное и легкое настроение. Кто-то невидимый говорит мне, что нужно целиться белке прямо в глаз. Я возражаю своему невидимому оппоненту, что не люблю просто так убивать невинных животных, но в руках оказывается пистолет, из которого я, знаю точно, стрелять не умею. Но, собрав всю свою волю в кулак, нахожу глазами белку, мирно присевшую на ветку, совсем недалеко от меня, метрах в пяти, и начинаю целиться ей в глаз. Мою руку как будто кто-то мягко направляет, и вот сигнал – стреляй. Я нажимаю на курок. Глаз неожиданно расширяется до размеров дирижабля. Я вскрикиваю, пистолет выпадает у меня из рук, и вдруг я вижу, что этот глаз принадлежит вовсе не белке – а Галицкой. Я узнаю его. Правый или левый – задаю я себе глупый вопрос, и слышу голос Антона:

– Направо или налево?

С лёгким непониманием настоящего момента я оглянулась по сторонам, узнала свой дом – «китайскую стену» – и медленно попыталась сообразить, с какой стороны лучше заезжать во двор.

– Направо. Дурной сон, извини.

– Ничего, – начал вырливать Антон, подъезжая к подъезду.

– Может, поднимешься? Ты ведь на другом конце города живешь. Кстати, спасибо, что довёз до дому. Уже два часа ночи!

– Последнее замечание – это к чему?

– К тому, что ты можешь подняться в квартиру и выпить чашку кофе. Боюсь, что заснешь по дороге.

– Хорошо.

Глава 6

Мы поднялись в нашу квартиру. Джина недовольно заворчала, а я скорей стала искать тряпку.

– Ты проходи, проходи. Джина, девочка моя, ну как не стыдно. Вот перед гостями стыдно должно быть. И то верно – хозяйка где-то ездит, девочку свою совсем забросила со своими расследованиями.

Так я ползала по полу, затирая следы невинного преступления своей доброй старой собаки. Антон прошёл на кухню, а эта подлиза (я имею в виду Джину) уже что-то выпрашивала у него поесть.

– Глянь в холодильнике, кинь ей чего-нибудь на зуб!

Видимо, Антон уже догадался её удовлетворить, потому что из кухни доносилось радостное повизгивание. Когда я зашла на кухню, Антон включил чайник и намазывал кусок хлеба маслом.

– Похоже, мальчик проголодался. Конечно, конечно, в холодильнике, как обычно, шаром покати, но сейчас что-нибудь сообразим...

– Спасибо, – протянул мне Антон бутерброд и ставя кружку чая передо мной.

Вид у него измученный, подумала я, глаза красные...

– Слушай, давай отбросим все китайские церемонии. Ложись спать. Сполоснись и ложись спать. Я тебе пока в гостиной постелю.

Он утвердительно кивнул головой, послушно пошёл в ванную. По дороге прихватил полотенце и махровый халат. Минут через пятнадцать он вышел слегка румяный и бодрый, даже игриво чмокнул меня в щёку.

– Ой, что за шалости, молодой человек, – потрепала я его в ответ на слегка шершавый подбородок, и отправилась «попудрить носик».

После душа я вышла в коридор, прислушалась к звукам в гостиной, но кроме мерного посапывания, ничего не услышала.

Умаялся мальчик, подумала я, тихо отворяя дверь в гостиную. Антон спал на спине, дыхание было глубоким и спокойным. Рядом с диваном лежала кожаная папка для бумаг. Интересно, что в ней. Желание узнать больше информации не давало мне покоя. Я тихо позвала:

– Антон.

Он слегка вздрогнул и перевернулся на бок. Так, кажется, он крепко спит. Я взяла папку и на цыпочках вышла из комнаты. Джина, лежащая в коридоре, удивленно подняла морду.

– Все нормально, девочка, все нормально...

Пожалуй, пойду к себе. Сердце билось в радостно-тревожном предвкушении, как у девочки, утащившей эротическую книгу втайне от родителей. Наконец, я достала довольно увесистую пачку бумаг. Что-то интересное... Фотографии Галицкой. Антон их не показывал. Галицкая на улице. Одета неброско, но что-то выдает в ней педагога. Не модно и дешёво как-то. На этой фотографии отчетливо видно, что глаза у неё разного цвета – один глаз зелено-ватого-желтый, второй голубовато-серый. Есть во всей её фигуре что-то устрашающее, несмотря на доброжелательную улыбку.

На другой фотографии Галицкая в окружении каких-то молодых юношей и девушек, чьи лица кажутся мне смутно знакомыми. А, вот этот парень с длинными волосами был одним из *русальцев* на празднике. Он пел грустную песню о девушке Ганне, утонувшую в реке у брода. Как можно у брода утонуть? Мать Ганны верует в то, что девушка как бы растворилась в природе, и что ей хорошо и спокойно. Эту песню в дуэте с длинноволосым, пела неказистая

девушка. На фотографии её нет. Галицкая смотрит куда-то поверх голов, взгляд отрешённый, в никуда.

А вот этот снимок странный. Галицкая с закрытыми глазами и улыбкой на лице. Волосы распущены, что на неё не похоже. Она сидит, руки опущены вниз, правая кисть положена на левую. Что-то мне это напоминает... Выражение блаженства на лице. Да-да, это улыбка Будды, не иначе.

Я вспомнила, как несколько лет назад заезжала к другу юности. В Москве я была в командировке, весь день была на семинаре, и вырваться смогла только к вечеру.

Валентин ухаживал за мной в студенчестве, а я все время отшучивалась, а роман с Володей был скоропалительным и для всех неожиданным. Но с Валеном (так я его называла, не помню уже, как это к нему пристало, видимо, галантные ухаживания ассоциировались у меня с чем-то французским, вот и получилась смесь французского с нижегородским) у меня остались очень тёплые дружеские отношения. В Москву его занесло случайно, женился на москвичке старше себя. Его Неля была, в общем-то, довольно милая женщина, домовитая, симпатичная, только чуть-чуть замкнутая. Женился он к концу пятого курса, когда ездил на преддипломную практику в московский университет.

В последнее время мы общались в основном по Интернету, но сейчас, в конце июня – начале июля он был в отпуске, навешивать на него свои проблемы было бы просто хамством. Тем более, выискивать его в какой-нибудь Барселоне или Варшаве не хотелось.

Та встреча, о которой я вспомнила, разглядывая умиротворённое и гармоничное лицо Галицкой на фотографии, была сделана несколько лет назад. Он встретил меня на остановке, и просил не шуметь, когда придем домой. Неля, всегда такая гостеприимная и приветливая, сидела на кухне и даже не вышла поздороваться со мной.

– Что это с ней?

– Не обращай внимания, она там занимается.

– Чем?

– Точно сказать не могу. Медитирует, очевидно.

– Вот это новость.

– Тише, давай в комнате посидим, я там всё приготовил. Если не хочешь дома, то можно прогуляться. Правда, время позднее, беспокойное. Машины вокруг с гексогеном, слышала, наверное.

– Слышала-слышала. Хорошо, посидим дома, потом посадишь меня на такси. А что это за запах? – спросила я, чувствуя, как что-то тягучее врывается в мои лёгкие.

– Это палочки такие, ароматические.

– А... Что-то у меня от них в горле запершило. Не пора ли нам освежить это самое горло каким-нибудь благородным напитком?

– Например, мартини со льдом, я правильно понял?

– И давно у тебя Неля такая?

– Два последних года. Знаешь, я практически с этим смирился. Она стала более уравновешенной. С занятий приходит спокойная, никаких скандалов у нас не происходит. Я, конечно, шучу на тему, что учитель не может быть человеком. Как можно поклоняться учителю, ведь это самый обычный человек, возможно, более тебя что-то знающий. Он ведь не Христос, не мессия.

– А... Понимаю, – тогда мне это казалось очень далёким, и я ни черта не понимала.

Неожиданно дверь кухни открылась и появилась Неля.

– Здравствуй, Наташа, рада тебя видеть.

– Привет-привет.

– Ты не стесняйся, проходи. Я всё приготовила, но, к сожалению, вынуждена вас покинуть.

– Что так?

– У меня занятие.

Все это она говорила с доброжелательной и отсутствующей, ничего не значащей одновременно улыбкой. У меня тогда промелькнула мысль, вернее, обрывок мыслишки, что вот мы крутимся-вертимся, чего-то добиваемся, тратим здоровье и нервы, отдохнуть некогда, и даже на отдыхе веселье выходит злое чаще всего, а тут человек радостный, невозмутимый, видно, что ему на житейские бури – как слону гавканье моськи.

В ту пору, я знала, у Нели работа была почти механическая, после которой не то, что на занятия – ужин приготовить бывает лень. Неля натянула на себя какую-то невесомую накидку, хотя на улице было прохладно, и с улыбкой Будды (именно такой, какой её описывают в ставших классическими книгах по аутотренингу – уголки губ слегка приподняты, улыбка освещает лицо как бы изнутри, возникает ощущение, что от человека идут невидимые токи добра и любви) выпорхнула из квартиры.

– М-да... Весело ты живешь, Вален.

Итак, в одну секунду я вспомнила детали той встречи, сомнений быть не может, Галицкая запечатлена в момент отрешённости от этого мира. Ладно, хорошо. Идём дальше. Так... Справка из домоуправления, где проживает Галицкая. Адрес совпадает с результатами запроса из соответствующей базы данных.

Справка из психдиспансера о психическом состоянии Галицкой. Ну вот, голубка ты наша, попалась. Отнюдь. Справка бесстрастно свидетельствовала о том, что Галицкая на учёте не состоит, следовательно, психически здорова. Эх, старые золотые времена, когда упечь человека в психушку было делом почти пустяковым. Вот старых добрых диссидентов гноили в этих домах – а явная шизофреничка разгуливает на свободе и забивает голову совсем юным желторотикам.

Наталья Владимировна, почему же ты хочешь найти изъян в этой уважаемой всеми женщине? Это я начала полемику сама с собой. Кстати, подобные разговоры внутри себя как раз и свидетельствуют о раздвоении личности, то есть склонности к шизофрениии. «Любовь жестока, шиза заразна», – вспомнила я новую песню одного то ли барда, то ли рокера. Смотрим дальше. Манифест. Революционеры просто, ленинский кружок.

«Мир пребывает в хаосе. Люди разучились думать, и, словно марионетки, играют в пустую, никчемную игру под названием «жизнь». Они загнали себя в каменные клетки, порабощены рекламой, навязывающей им западный образ жизни, их существование есть бесконечная гонка по окружности, где контрольными точками являются так называемые «блага цивилизации». Человек превратился в механизм с заданной программой: сначала престижная школа, потом институт, затем денежная работа, выгодный брак, блестящая карьера, шикарный отдых, квартиры, машины, дачи, и, наконец, бархатный занавес с многолюдными похоронами».

Где-то я это уже читала, или смотрела, или слышала... Да-да, Серёжа, мой мальчик, учил меня жизни, цыпленок мой неоперившийся, распушил хвост, словно настоящий петух. Вот откуда ветер дует. То, что манифест имеет отношение к Галицкой – в этом у меня не было никаких сомнений.

«Спасение человечества может быть достигнуто путём сложного пути слияния с природой. Только так можно обрести гармонию». И тут гармония. Ну полная гармония всего со всем! «Обращаясь к языческим традициям, мы пытаемся восстановить прерванную связь с природой. Наши предки хорошо чувствовали эту связь и поклонялись добрым богам, не забывая задабривать богов пекельного мира».

Так-так. Значит, и вашим, и нашим. Конечно, я читала, что в Киевской Руси, несмотря на то, что церковь рьяно следила за новоиспеченными христианами, русские князья устраивали языческие жертвоприношения. Христу свечку поставить, да и Перуна не забыть. Почему мы и знаем о славянских богах – по многочисленным указаниям церкви избавляться от «бесовских» праздников. И это на фоне того, что большинство православных праздников практически совпадает по времени с языческими. Но и после тысячелетия христианства на Руси мы слушаем сказки про леших, русалок, домовых, дикари, в общем.

«Если мы и дальше будем жить в хаосе, то предопределённые судьбы могут полностью измениться». Если они предопределены, «я знаю, что это карма, и против неё не попрешь», чего же нам бояться? Неувязочка. «Все в мире должно находиться в равновесии, в том числе и наши судьбы, которые, с одной стороны, предопределены, а с другой стороны могут стать ещё более трагическими». Ну понятно. Мир, который стоит на грани катаклизмов. Небось, и рецепт есть, как спастись.

Что-то такое подобное и Неля мне внушала утром на кухне, в прошлый раз. Мы с Валеном так засиделись, что ни в какую гостиницу я уже не поехала. А утром Неля пыталась вести со мной душеспасительные беседы, что изрядно меня взбесило. Никакой сарказм на неё не действовал. Говорила она без запинки, в который раз агитируя меня за правильный образ жизни и занятия духовным самосовершенствованием.

«Нить судьбы, которую прядет древняя богиня Среча, день ото дня становится тоньше, и Несреча подхватывает эту нить, а добрая судьба навсегда покидает человека. Вера предков – это наша нить Ариадны, которая позволит устоять в борьбе между силами Добра и Зла, Света и Тьмы. Эти силы должны находиться в равновесии. Поэтому вера, которая проистекает из самой природы, есть одновременно и метод познания себя, и обретение внутреннего равновесия».

М-да. Равновесие, гармония. «Сансара, нирвана, и всякая печаль пройдёт», БГ актуален как никогда. Раньше мы слушали его, практически медитировали под его песни. Это тоже был метод абстрагирования от окружающей действительности. Помню, как эти песни «доставали» моих родителей.

– Ну, вот объясни нам смысл фразы «возьми меня к реке, положи меня в воду, учи меня искусству быть смиренным», – говорила мама, пытаясь перекричать «блеяние», как она называла музыкальные экзерсисы «Аквариума».

Лишь немногие одновременно с прослушиванием странных текстов (не для «средних умов», как любили подчёркивать «продвинутые») параллельно изучали азы китайской философии, дзен-буддизма и прочего, прочего, что Б.Г. так умело имплантировал в свое творчество. Протест, у нас это был протест, направленный против совдеповского образа жизни. А сейчас – против нарождающегося капитализма, что ли? Тогда это выглядит как в старой поговорке – «за что боролись, на то и напоролись».

Я полистала дальше. Манифест довольно внушительный. Но, в принципе, мне уже все понятно, на какую мельницу будет литься вода. Возникает законный вопрос – откуда это у Антона? В лоб его об этом не спросишь – заподозрит, что рылась в бумагах.

Следовательно, идём дальше скучной дорогой познания. Мисс Марпл, да и только. Осталось очёчки нацепить и букли подрисовать седые – и всё, Агата Кристи отдыхает, сами с усами, детективы писать умеем.

Интересно, у Кристи были литературные негры? Сразу представилась картинка – пять человек распределяют между собой заготовки глав нового романа. Одно облегчение – уже не нужно выдумывать внешность главной героини и выверять каждую главу. А что, Кристи – это хорошо раскрученный бренд, и было бы не удивительным, если бы на свет всплыли какие-нибудь «не опубликованные ранее рукописи». Сдаётся только, что и это было бы куда приятнее читать, чем поделки новоиспечённых детективщиц-домохозяйек.

Так, манифест откладываем до лучших времен, тем более, голова уже почти не соображает, не голова, а просто кость. Хоть Джине бросай, чтобы погрызла на досуге. Смотрим дальше. Шифровка какая-то шпионская. Циферки и буквы. Ах да, мальчик у нас в органах. Пусть поиграется. Мужчинам приятно играть – в политику, в шпионов, в суперменов... Вот вырезанная из газеты статья о новых способах криптографии. В качестве шифра используются частицы любого твёрдого вещества в смоле. С помощью лазера определённой длины строится инферограмма, уникально определяющая код. Новый способ предложен российскими физиками.

Как это все взаимосвязано, интересно было бы узнать?

Собака в коридоре заворчала, и послышались шаги. Я быстро выключила свет, засунув папку под кровать и укрывшись одеялом. Дверь приоткрылась, и в проёме возникла голова Антона. Он внимательно вглядывался в темноту, даже как будто внюхивался, словно гончая собака. Постояв так полминуты, он закрыл дверь и пошёл на кухню. Потянуло сигаретным дымом. В моей голове бешеной каруселью прокручивались варианты возврата папки на место. Размышлять некогда, и так все время одни *размышлизмы* и *рассуждалки*. А жизнь требует только одного – *экин, экин*. Я быстро встала и обернула папку в лежащий на кресле плед. Джина снова заворчала, когда я проходила мимо, я на неё шикнула. Дверь в кухню была прикрыта, я проскользнула в гостиную, вернула папку на место и с невинным видом оглянулась на дверь. Через секунду появился Антон.

– Вот, принесла тебе плед, думала, вдруг ты замерзнешь.

– Думаешь, плед меня может спасти? Почему не спишь?

– Просыпаюсь всё время, слишком много впечатлений.

– Понятно. А я вот вырубился, – его взгляд остановился на лежащей папке. – Я скоро уеду, не беспокойся. Твои когда должны вернуться?

– Не знаю, сегодня, наверное. Завтра рабочий день.

– Угу, – он неуклюже взял меня за руку и слегка погладил.

– Наташа, я хотел тебе сказать... Ты очень интересная женщина, умная, красивая...

– Нельзя ли без банальностей?

– Я очень хочу тебе помочь, но ты должна понять некоторые вещи.

– Например?

– Понимаешь, твой сын попал под очень сильное влияние, и ты в этом не виновата, нет...

– Что ты мямлишь-то? Говори яснее, – меня уже этот ответ двоечника у доски стал раздражать.

– В общем, Галицкая дама не самая обыкновенная, она может оказывать на людей влияние, сравнимое с порабощением. А у твоего сына есть склонность ко всякого рода мистическим и абсурдным вещам. Но чем абсурднее, тем вернее. К сожалению, это чем-то схоже с умопомрачением. Человек привязан к земле, но человек не совсем нормальный эту ниточку рвет и улетает...

– Ну, допустим. Он всегда любил Кэролла и Хармса. Но это ничего не доказывает. Мало ли людей читает абсурдную литературу. Вся наша жизнь – сплошной абсурд. То, что мы считаем нормой – на Западе считает абсурдом. Скажи, она его зомбирует?

– Этого я полностью утверждать не могу. Но то, что она проводит с ним индивидуальные занятия – это абсолютно точно. По показаниям соседей, он там появляется очень часто.

– Бедный мой мальчик. Но ей всё это – для чего?

– Чтобы удовлетворить свои амбиции. У Галицкой была одна научная работа, по суггестивному воздействию на сознание людей. Работа была заявлена, но вышла очень маленьким тиражом. Дело в том, что Галицкую не любили на кафедре, не помню, говорил ли я тебе, что

она работала ассистентом на кафедре психологии в нашем университете, короче говоря, она, кажется, издала её за свои деньги.

– У тебя эта работа есть?

– Нет, я просто просматривал её, мельком.

– Но где-то ведь она есть, в библиотеке, где-нибудь ещё?

– К сожалению, все экземпляры разошлись по частным библиотекам. Университет не захотел её покупать.

– Хорошо. Ведь есть какие-нибудь законы, позволяющие приглушить непомерные аппетиты нашей подруги?

– Формально – есть. Но негативное психологическое воздействие очень трудно доказать, практически невозможно. Требуется психиатрическая экспертиза, изымание материалов, и так далее.

– Понятно. То есть ты хочешь сказать, что мы абсолютно бессильны? Хорошо. Тогда я сама объявляю ей войну. Я найду другие доказательства, и посажу её в тюрьму, например, за нелегализованное занятие частной практикой. Хотя... Можно сделать всё гораздо проще... Нанять людей и просто уронить кирпич на голову.

– Слушай, я последнюю фразу не слышал, хорошо? Ты понимаешь, о чём ты говоришь?

– Я понимаю одно – я вырастила сына, даю ему образование, подготавливаю условия для карьерного роста, в конце концов, я люблю его, ведь он моё дитя, и тут появляется какая-то Галицкая и пытается сделать его уродом.

– Я тебя хорошо понимаю, делаю, что могу. Но мне кажется, что в твоей любви к сыну есть много собственнического. Он поступает не так, как хочешь ты, и тебе жаль своих трудов, которые ты в него вложила.

Меня так и подмывало спросить его о манифесте, фотографиях, шифровках и непонятной статье. Да, конечно, он, пожалуй, прав... Мне жалко своих трудов, которые я в него вложила, и отдавать без боя Серёжу мне не хотелось бы. Антон выглядел каким-то виноватым.

– Да не грусти так, зайчик, – потрепала я его по щеке, – я ведь не молоденькая девочка, многое сама умею.

Антон весь напрягся в одну минуту. Похоже, он подумал, что я пытаюсь его соблазнить. Как назло, халат на мне был полупрозрачный, и вся сцена показалась мне полной намёков и недоговоренностей.

– Ну, в общем, я пошла спать. Фотомодели, чтобы выглядеть на все «сто», спят по десять часов, – сказала я, притворно зевнув, – утро вечера мудренее, завтра всё решим, кого «в сортире мочить», а кого культурно под белые рученьки выводить на чистую воду. Спокойной ночи, вернее, спокойного утра.

...Утром я проснулась в десять от грохота посуды на своей кухне. Антон пытался изобразить горячие бутерброды, одновременно варя кофе. Да, бармен из него, видно по всему, никакой.

– Доброе утро. Пытаешься блеснуть хорошими манерами и подать кофе в постель? А вот и не вышло. Мадам проснулась от ваших экзерсисов.

– Доброе утро.

Мы быстро перекусили, и Антон начал собираться.

– Чао, бамбино.

– Д-до свидания.

– Ты стал зайкой? А я думала – ты зайка, – помахала я ему рукой на прощание.

Глава 7

А в понедельник позвонил следователь, и сказал, что Ладу никто не видел с четверга. Голос был молодой и сбивчивый, как будто его обладатель куда-то очень торопился. Договорились, что мне пришлют официальную повестку для дачи показаний. О работе уже думать было невозможно, на Юркины шутки я отвечала невпопад.

– Наталья Владимировна, да что с тобой?

Я просто механически открывала в Интернете страницу за страницей.

– Ничего она ему не ответила, – резюмировал Юрка.

Я привыкла писать по электронной почте, иногда мне кажется, что ручкой я писать разучилась вовсе, и поэтому ничего не оставалось, как быстренько состряпать электронную записку начальнику с просьбой покинуть стены офиса.

– Ну, конечно, Наталья Владимировна, – ответил мне Юрка устно, обеспокоено глядя, как я нервно роюсь в сумке и проверяю всё на рабочем столе.

Так, нужно идти домой и устраивать допрос с пристрастием. Точно, Ладу на празднике Купалы я не видела, следовательно, она исчезла именно между четвергом и субботой. Но... Может, я её просто не заметила. С другой стороны, роль детектива мне порядком надоела. В конце концов, это дело милиции – разыскивать пропавшего человека. Меня волнует только мой собственный ребенок.

Может быть, это даже неплохо, что эта девушка исчезла. Может, просто уехала, не сказав никому ни слова. Моя школьная подруга в шестнадцать лет сбегала из дому в Свердловск. В этот самый критический момент я пришла к ним домой, и тогда её родители устроили мне допрос с пристрастием. Мне стало их жаль, и я сказала, куда она уехала. Тут может быть с точностью наоборот – уехала к родителям в свой Тьмутараканьск.

Какое мне до неё дело, в конце концов? Детективы я читаю только от скуки в плохую погоду, а в жизни они меня не привлекают. У меня вполне конкретные и реальные задачи, которые я решаю здесь и сейчас. Уже хочется покоя от всей этой эзотерической белиберды, хочется возврата к прежней жизни, ведь у меня все было хорошо...

Что делать? Вечный вопрос, никем не разрешаемый. Все делают вид, будто бы знают, что делать, а на самом деле никто не знает. Только надевают бесконечные маски. Вот и я не знаю, что делать с тайным обществом под вывеской «фольклорный кружок» и с исчезнувшей Ладой. Никогда не знать, что делать – это «русская судьба», как писал Достоевский, стоит только человеку выскочить из казенной, узаконенной обычаем колеи...

Дома было по-прежнему пустынно. Вчера муж и сын появились каждый сам по себе, соблюдая правила игры. Володя якобы приехал с дачи, а Серёжа со своего языческого праздника. Я делала вид, что верю им. Антон жёстко предупредил меня, что провокационных вопросов задавать не стоит, и пора заканчивать игру в сыщика, «спугнуть дичь» можно даже лёгким намёком.

Итак, Володя на работе, Серёжи нет дома. Машина стоит на стоянке около дома. Почему-то меня подмывало осмотреть именно машину. Что я надеялась там найти? Трудно сказать. Охранник автостоянки на меня поглядел пристально и странно, потому что я никогда не приходила туда без мужа или сына. Честно говоря, права у меня есть, но я настолько боюсь управлять машиной, что все шуточки о «женщинах за рулем» переношу совершенно спокойно.

Я немного поковырялась в замке, и открыла дверцу. Пошучивая над собой в духе «Каменская с Дашей Васильевой в одном лице», я начала изучать салон. Что я ищу, хотелось бы знать. Зачем-то открыла бардачок и приподняла коврик, валяющийся под ногами. Даже заглянула

под чехлы сидений. На заднем сидении на пестрой ткани чехла было какое-то размытое бурое пятно. Ты ещё лупу с собой бы прихватила, героиня, и какой-нибудь приборчик для идентификации вещества, от которого это пятно произошло. Честно говоря, о приборчиках я имею весьма размытое понятие. Кто-то наспех замыл это пятно, подсказывал мне опыт домохозяйки, очевидно, времени замести следы было немного.

Мне стало неприятно от мысли, что это, возможно, чья-то кровь. Наверное, наверное... В твоей машине перевозили тяжело раненого бойца, но решили не травмировать психику нервической особы, чтобы с ней, чего доброго, не случился припадок. Сейчас прольётся чья-то кровь... Вышел зайчик погулять... Следователь позвонил мне не просто так... Возможно, мы все у него под подозрением. И нет никаких гарантий, что эту машину уже исследовали... У каждого из нас должно быть алиби... Стоп. Труп ещё не нашли, следовательно, неизвестно, на какой день и час нужно иметь алиби. Может, уничтожить эти вещдоки, вдруг они известны пока лишь мне? В крайнем случае, я всегда могу сказать, что просто постирала, грязные были, то да сё... И Антону говорить не стоит.

Я вышла из машины и открыла багажник. В багажнике валялась тряпка неопределённо-серого цвета. Пожалуй, её стоит выбросить. Машинально я протерла ручки машины этой тряпкой. Полиэтиленовый пакет у меня был с собой, я скомкала чехлы, оглядываясь по сторонам. Охранник смотрел в мою сторону. Да-да...

Вот сейчас он запомнит мой странный визит и расскажет милиционерам... Ладно, авось, пронесёт. Как можно более спокойно я ещё раз проверила дверцы и направилась к выходу. По дороге выкинула тряпку в мусорный бак, и почти бегом побежала домой. Дома по-прежнему не было никого, не считая Джины, разумеется.

Загрузив стиральную машину, я задумалась. Эх, мальчики, мальчики... *ТщательнЕе* нужно быть... Почему-то у меня не оставалось сомнений, что я делаю большое и нужное дело, вот только для кого?

...У следователя Зарубина был обычный кабинет совдеповских времен, какие сотнями описаны в детективах, упакованных в мягкие обложки; с каким аппетитом поглощаются эти милые вещицы в больших количествах советскими женщинами, уставшими от быта и забот! Лежишь и читаешь, как золушки, став принцессами, не забывают о своих согражданах и бесплатно помогают правосудию. Хотя...

Замученная бытом домохозяйка (а это довольно абстрактный образ, ведь если женщина домохозяйка, значит, ей не нужно каждый день думать о хлебе насущном, следовательно, её быт, наоборот, организован солидным и хорошо зарабатывающим супругом) находит в этих романах как картины знакомой до зубовного скрежета повседневности, так и панорамы красивой жизни – апартаменты министров, маневренно-эротичные авто, возвышенные чувства, романтизм – в общем, коктейль эмоций, который хочется пить, пить, и пить; эта жажда сравнима лишь с настойчивым желанием похудеть и, в соответствии с этим желанием, тратить деньги на бесконечные чудодейственные препараты, назойливо обещающие талию дюймовочки.

Итак, следователь был тоже самым обычным в своем обычном кабинете; безусый, юный, как я и предполагала, кажется, лейтенант.

– Добрый день, присаживайтесь. Наталья Владимировна, когда Вы в последний раз видели Ладу Шуваеву?

– Э... Давно. Видите ли, она к нам нечасто заходила. Я, как бы это выразиться помягче, не одобряла эту дружбу, если это сейчас так называется.

Желторотый юнец. Я не буду рассказывать тебе всё, что мне известно. Это моё расследование и касается только меня. Исчезновение Лады – всего лишь досадное недоразумение.

– Хорошо. Мать Шуваевой сказала, что Ваш сын привёз Ладу ночью, в четверг. А утром она исчезла. Получается, что её мать и Ваш сын были последние, которые видели её живой.

– Вы так говорите, словно уже нашли её труп.

– Я просто рассказываю Вам факты.

– Но если Серёжа привез её домой, в чем же он повинен? Просто поступил по-джентельменски, вот и всё.

– Кстати, где он сейчас? Я Вам передам для него повестку, но, наверное, придётся взять у него подписку о невыезде.

– Больше улик против моего сына никаких? – Я начинала нервничать, и мне никак не удавалось справиться со своими эмоциями; зачем-то схватила скрепку со стола и начала её теревить, прямо как Юрка на совещаниях, всегда после него остается гора искореженного металла. – Кроме матери Лады, возможно, есть ещё свидетели?

– Есть. После того, как он привез её домой, он подвез ещё двух человек.

– Ну, вот видите! – я даже непроизвольно шумно вздохнула. – Может, она куда-нибудь уехала?

– Дело в том, что с утра она обычно разносит почту, и, понятно, что никто на её утреннее отсутствие не обратил внимания. Мать спохватилась только к полудню, начала обзванивать знакомых.

– Да, я помню, в пятницу вечером она звонила, спросила Серёжу, потом робко так поинтересовалась, не у нас ли Лада. Но она редко у нас бывает по вечерам, может, днём приходила. А вечером Серёжа собирался на праздник.

– Вот с этого момента подробнее.

Может, наивный мальчик, тебе рассказать ещё, как мы с Антоном лазили по горам? Какая святая простота!

– Я мало что знаю. В субботу уехал, в воскресенье приехал.

– А где в это время был Ваш муж?

– На даче. – Явно он что-то знает, неспроста эти вопросы, хорошо, что чехлы постирала. – Он ещё в пятницу уехал.

– А Вы сами?

Занимаясь разработкой чужих версий, я забыла придумать версию себе. Алиби, алиби. У меня ведь нет алиби.

– Я? – Пожалуй, это вышло несколько ненатурально. – Я точно не помню, в субботу занималась хозяйственными делами, вечером читала, смотрела телевизор. В воскресенье весь день была дома.

– Не припомните, что именно смотрели по телевизору?

– Нет, к сожалению. Всё подряд. Новости, боевик, кажется, какой-то.

– Понятно. Спасибо, Наталья Владимировна, если что вспомните, вот мои телефоны, позвоните всенепременно, – с каким-то пафосом произнес он, протягивая мне листок с телефонами, даже визитки нормальной нет, отметила я машинально, – вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Я неловко склонилась над протоколом, пытаюсь разобрать его каракули. «С моих слов записано верно», – черкнула я на сероватом листке.

– Кстати, Наталья Владимировна, а почему Вы так не любили Ладу? И почему так негативно относитесь к занятиям Вашего сына в кружке Галицкой?

– Э... Ммм... – я думала, что уже можно вполне расслабиться, – а кто Вам это сказал?

– Предположим, это известно некоторым людям.

– Хорошо. Лада мне не нравилась по одной простой причине. Она девочка не нашего круга. Это только в бестселлерах и мыльных операх золушки находят принцев, понимаете? Мы люди, по нынешним временам, не слишком богатые, но Серёжа очень талантливый маль-

чик, понимаете? И не против я вовсе фольклорного кружка, если бы я была против, никто не извещал бы меня про языческие праздники, понимаете? У нас в семье полное доверие. Я ни за кем не шпионю, принимаю людей такими, какие они есть. Думаю, что и Лада, и кружок, это как увлечение молодости, понимаете? Они пройдут с годами.

– Спасибо, Наталья Владимировна, за откровенный разговор, до свидания.

Глава 8

Что за вздор я несла? Всё в нашей семье на доверии... Просто не хочется в глазах этого птенчика выглядеть растерянной, неуклюжей идиоткой, занимающейся собственным расследованием. Думаешь, он тебе поверил? Да поверил, поверил, должен поверить, это касается только меня... Значит, возможно, она исчезла в четверг ночью. Серёжа ночевал с пятницы на четверг где-то у друзей. У кого, вот бы знать... Стоп. Он отвез её, ещё кого-то и поехал ещё к кому-то... Масло масляное. В пятницу он был дома и выглядел спокойным А Володя уехал на дачу днем, отпросился с работы.

Чёрт, но с Ладой могло всё случиться и в пятницу. Может, с утра она ушла работать, тут на неё напали... Ага, дипломатическую почту разносила, и тут бандиты из-за угла... Потом куда-нибудь поехала, и там что-нибудь с ней случилось. Труп-то ещё нашли! Да, мадам, сыщик из вас никакой. Помогайте лучше правоохранительным органам. Или ещё каким-нибудь органам, только перестаньте сотрясать старыми седыми буклями, парик-то пыльный, из старого сундука! Мне ведь в этом не разобраться, устало подумала я, у меня нет всех фактов, к чёрту...

Я лежала на диване, кожей чувствуя, как бесцельно, бездарно, безвозвратно уходят минуты. Нет, нужно встать, встряхнуться, это просто невыносимо. Серёжа – преступник?

Этого не может быть. Зачем? А Володя – он с ним заодно? Нет же, этого быть не должно, я их слишком хорошо знаю, преступления-то нет ещё, а уже клеймо поставила.

Я зашла в Серёжину комнату. Откуда здесь взялся Володин «дипломат», который давно валялся на антресолях в коридоре? «Дипломат» закрыт на замок. Отлично. Я пошла на кухню и лихорадочно стала искать какой-нибудь инструмент. Опытные шпионки шпилькой открывают суперсекретные замки. Ага, вот, кажется, что-то похожее на отмычку. Я вернулась в комнату и стала ковырять в замке согнутой проволокой. Ничего не получается. На письменном столе стоит фотография Лады в рамке. Она стоит в белом платье на фоне зелени, и зелёный веночек вокруг головы. Рядом лежит листочек в клеточку. Какие-то стихи.

*Полобил я девушку
Раннею весной,
Деву синеокою
С русою косой.
Голосом серебристым
Песни мне поёт.
В воздухе струится
Сладкозвучный мёд.
И ласкаю пряди
Девичьей косы.
И в глазах-оконцах,
Голубей росы,
Я тону бессильно,
Свежестью объят...
И в небесной сини
Облака парят.
И в зелёны святки,
Словно в забыты,
Я играю в прятки,*

*Стан её обвив.
Девки хороводят,
Завиваясь в круг,
Где-то эхо бродит
Голосов и рук.
Посредине мальчик,
Несколько смущён.
Детскую считалку
Затеваает он.*

*Погрызи орешки,
Яша, чок-чок,
Повернись без спешки
На бочок.
Ладную невесту
Подберём.
Легкую, как песню
Ясным днём.
В белые одежды
Нарядим.
В путь её с надеждой
Проводим.*

*Выбирает мальчик
Девушку мою.
Я кричу и плачу -
Я её люблю.
И зазеленела
Синяя река.
Грустью зазвенела
Сочная строка.
...Детскою считалкой
Решена судьба.
С Яссой бесполезна
Долгая борьба.*

Хм... тут что-то зачеркнуто. Не разобрать...

*Разбрелись по хатам
На закате дня.
Я стоял и плакал,
Божество браня.*

Притча какая-то.

*И луна светила,
Освещая лес.
Чёрный глянец речки
Манит, словно бес.*

*То ли это плещется
Тихая вода,
То ли мне мерещится
Голос иногда.
Я зашёл с обрыва,
В омут я гляжу,
Ничего не вижу
И едва дышу...*

Утопилась, что ли?

*Вдруг она явилась
В воздухе ночном.
Косы распустила,
Говорит с трудом.
От верёвки тонкой
Чёрное кольцо.
Зеленеют пальцы
На ночном ковре.*

М-да... Мельникова дочка ходит по ночам... Панночка.

*Фея, ты прозрачна,
Но прошла любовь.*

Что ж так печально-то... Опять зачёркнуто.

*Зеленеют пальцы,
Шелестит трава,
Я к тебе подкрался,
И дышу едва.
Ясе ты невеста,
Ну а мне – жена.
Всё давно известно,
И ничья вина.
Мы с тобой простимся,
Только не спеши...
Дай же насладиться
От души.
... Зеленеют пальцы,
Клавиши молчат.
Стоит ли стараться -
Не перекричать.
...
Как польнь – мечта,
Всё – и пустота.*

Странные стихи. Во входной двери тихо повернулся ключ. Я быстро положила листок на место и поспешила в коридор. Это был Серёжа.

– Здравствуй, сынуля, хочешь есть? – излишне ласково встретила я его.

– Нет, спасибо.

– Знаешь, меня тревожит пропажа твоей подруги.

– Меня тоже.

– Может, поговорим?

Серёжа послушно пошел за мной в комнату. Он сел за свой стол, а я на диван.

– Может, ты расскажешь мне, как всё было? Почему-то подробности приходится узнавать у следователя, а это не совсем удобно.

– В четверг я её отвез домой и больше не видел.

– А где вы были до этого?

– У нас было занятие.

– Может, ты объяснишь мне, в чём суть ваших занятий? Я слышала, что Анна Васильевна – Учитель? – я старалась говорить спокойно и по-дружески, но мне это плохо удавалось.

При упоминании Галицкой Серёжа вздрогнул и посмотрел на меня в одну минуту отключившимся взглядом. Сцена довольно смешная. Я, как маленькая курица, пытаюсь нападать на молодого петушка. А он уже находится в полной боевой готовности отразить атаку.

– Да, Анна Васильевна – это наш Учитель.

– Скажи, а зачем нужен Учитель?

– Мама, ты извини, но это очень глупый вопрос. Учитель есть у каждого человека, мы все чему-то учимся.

– Все мы учимся, но что такого говорит учитель, без чего нельзя научиться?

– Мы о разном говорим. Китайские учителя дзен иногда просто рассказывают притчи, или задают своим ученикам коаны, над которыми те долго думают. И в какой-то момент истина доходит до сознания ученика. И в тот момент учитель оставляет его. Но пока ученик не дошёл до внутреннего перерождения, учитель не может его покинуть. Анна Васильевна говорит с нами о наших проблемах, иногда рассказывает притчи, легенды, иногда просто молчит. Пойми, слова – это лишь символы, они порой мешают той информации, которую учитель тебе хочет передать. Истина не в словах. Истина как флюид, как дуновение ветерка, она окутывает тебя и в одну минуту ты прозреваешь. Но чтобы впитать эту истину, иногда требуются годы. Мне трудно тебе это всё...

– Спрашиваю в третий раз – зачем нужен учитель? – нервно перебила я его.

Это походило на разговор глухого с немым. Мой сын не понимал моих вопросов – он отвечал неизвестному оппоненту.

– Учитель нужен любому человеку, – снова да ладом начал он.

– Но как ты понял, что она и есть твой учитель?

– Не знаю. Понял. Это приходит откуда-то свыше.

– Учителя нужны только слабым и безвольным людям. Все то, что говорит тебе Галицкая, ты можешь прочесть в книгах. А так ты становишься просто игрушкой в её руках. Она ведь даёт тебе книги – читай, осмысливай, для чего нужны переводчики?

– Я читаю. Я не понимаю, почему ты так всполошилась?

– Хорошо. Вы и медитацией занимаетесь?

– Да, занимаемся. Разве это запрещено? Это помогает сохранять себя в равновесии. Мы ведь частицы природы, и от нас тоже зависит равновесие между добром и злом.

– А подробнее – об этом пресловутом равновесии Добра и Зла?

– Мама, это же аксиома – Добро и Зло в равновесии – значит, мир существует, процветает, люди счастливы и гармоничны. Если нет равновесия – куда качнутся весы?

– По твоей логике выходит, что чем больше в мире добра, тем большее зло требуется, чтобы его уравновесить. Чтобы эти абстрактные весы не раскачивались... – взгляд Серёжи был мимо меня, пустой и холодный взгляд.

– Если хочешь, то да. От этого зависит человеческая судьба, каждая в отдельности, и всего человечества в целом. Кем мы станем, если будем уповать на развитие человеческой цивилизации? Если по-прежнему будем убивать животных? Убивая мир, мы убиваем себя. Человечество деградирует в умственном отношении. А ведь показатель эволюции – это развитие интеллекта. А интеллект губится облегчением жизни, которую нам предлагает цивилизация, мы превращаемся в животных, которые умеют только потреблять. Мы забываем о самом предназначении человека – беречь этот мир. А древние славяне это знали и помнили, и пытались сохранить этот мир для своих потомков, для нас. Наша задача – помнить об этом, и...

– Серёжа! – я пыталась прервать этот поток сознания, он говорил так, словно в его компьютере нашёл нужный файл с готовой речью.

– А? – будто очнувшись, он посмотрел на меня более осмысленным взглядом.

– Серёжа, послушай меня. По работе мне приходилось читать некоторые книжки... Так вот, – моя речь становилась все более экспрессивной, – так вот, что я хотела тебе сказать. Ты, наверное, слышал кое-что о суггестивных текстах? Суггестия – это внушение без участия сознания. Логика спит. Есть такая наука – суггестивная лингвистика. Она как раз изучает влияние текстов на наше подсознание. Тексты бывают абсолютно нейтральными, но есть и такие, которые программируют человека – мягко или жёстко. Христианские молитвы – это суггестивные тексты, несущие в себе благожелательность и радостный настрой. А мантра «ом» ориентирована на жёсткое кодирование. И всё на этом построено. Я тебе лекцию читаю, как маленькому мальчику. Боюсь, что в так называемом фольклорном кружке над твоим подсознанием проводят некие манипуляции, и ты этого просто не замечаешь. Ну, как тебе объяснить. В компаниях, занимающихся сетевым маркетингом, проводят тренинги и кодируют их на успех. А на что кодируют тебя – я не знаю...

– Какие смешные вещи ты говоришь! Кодируют! А реклама – она не кодирует на то, чтобы немедленно не побежать и не купить порошок, иначе другие не отстирают ничего, и будешь всю жизнь ходить в грязном белье?

– Ты даже можешь не подозревать, что тебе пытаются внушить... Вы читаете какие-нибудь тексты? В суггестии важен ещё ритм, а не только сочетание шипящих и свистящих звуков. Есть наука даже такая, ритмология, придумала её астрофизик, вот они в своей секте день и ночь читают ритмы, да они горло перегрызут, если кого-то определяют своим врагом... Это опасно, Серёжа, понимаешь?

– Анна Васильевна – не монстр какой-то! И никакая у нас не секта, упаси Боже. Я сам не стал бы никому поклоняться – как ученики в дзен, например, считают высшей похвалой то, что учитель их побьёт. У нас всё основано на личном уважении, Анна Васильевна не поработитель, нет... Она в некотором роде избавитель. Она помогает избавиться от страхов, от проблем внутреннего порядка, от разлада в душе, от общей дисгармонии...

– Откуда? – вскричала я. – Откуда у тебя какие-то мифические разлады в душе? Тебе что, сто лет? У тебя пять жен и десять детей? От чего ты устал? Какие у тебя страхи? Ты посмотри на себя. Ты стремился к чему-то. Ты имел цель. У тебя были какие-то планы. Вдруг ты перестал есть мясо. Ты стал бледным. Ты читаешь какие-то непонятные книги. Ты стал другим.

– Правильно, я стал другим. И теперь я понимаю, что многие из моих так называемых жизненных целей – они просто нелепы. Как тебе объяснить? Большинство моих сверстников делятся на две категории: одни пьют пиво, колются, тусуются, слушают все эти «ша-ла-ла» и «шуга-шуга». Вторая категория – рафинированные мальчики из хороших семей, которые делают карьеру. Мамы и папы пристроили их в институте, они учатся там с разной степенью

успешностью, а их уже ждет теплое место в теплой конторе, и все расписано, как по нотам. И ты хочешь, чтобы я был среди них, среди цвета нашей молодежи? – добавил он насмешливо.

– Да, а что в этом плохого? Ты хочешь в первую команду? Никто не будет против – это твой выбор.

– Я хочу в команду номер «три». Меня не интересуют ни развлечения, ни карьера. Я вообще против стадности. А работой я могу заниматься любой, и не собираюсь лезть из кожи, чтобы угодить начальству и сделать карьеру любой ценой. Ты права – у меня свой выбор, и, знаешь... Ты воспитала меня так, что мне страшно не оправдать твое доверие. Ты уже все за меня решила, опираясь на свою мудрость, опыт, ты сделала культ своего мнения в семье.

– Да-да, спокойная работа за пару-тройку тысяч. Однако, милый мой, ты уже привык жить несколько иначе. Твой отец зарабатывает немного – зато я кручусь, как белка в колесе. И все для того, чтобы ты не жил впроголодь, был одет не хуже других...

– Я могу без всего этого обойтись.

– Кстати, на днях у меня пропала одна зелененькая бумажка. Ты не брал?

– Брал, – ответил он после некоторого молчания.

– Зачем, если не секрет?

– Я должен был заплатить Анне Васильевне за занятия. Я ей задолжал.

– Вот это новость! – притворно-удивлённо воскликнула я, для меня это, разумеется, не была новость. – Добрейшая Анна Васильевна берёт мзду за эксклюзивные знания?

– За всякое знание необходимо платить. Иначе оно не будет иметь ценности для тебя. Если ты затратил усилия или средства, тогда знание ценно...

Опять считывающая головка встала на нужную запись, мальчик мой говорит, не сбиваясь. Отлично сработано, госпожа Галицкая! За какие-то считанные месяцы какая-то в меру образованная тетка сумела превратить «человека мыслящего» в «человека-зомби».

– Что ты заладил – ценность, ценность! – пыталась я его сбить с заданной траектории, – если ты и дальше будешь так усиленно познавать смыслы жизни и себя, то тебе понадобится много денег. И это будет как наркотик – будешь деньги воровать, чтобы дозу принять.

Какая же я идиотка, ругала я себя, пытаюсь расшевелить в его голове остатки логики, но мои слова разбивались о непреодолимую оболочку чужого и чуждого влияния. Словно сама Галицкая стояла за его спиной и ухмылялась каждый раз, когда я пыталась задать неудобный вопрос.

– На какое время тебе нужен учитель? Когда наступит тот светлый миг, после которого учитель сможет оставить тебя в покое?

– Учитель нужен всегда.

Вот заладил своё... Как же я ненавижу эту Галицкую! Стоп. Раз-два-три... Успокоиться.

– Хорошо-хорошо... В конце концов, учителя были всегда, это слишком древнее понятие, чтобы подвергать его критике... А папа тоже читает эти книги, вот видела у тебя, «Жизнь после смерти»?

– Читает, ради спортивного интереса. А вообще, Анна Васильевна хочет выпустить свою книгу. Я хочу сказать, что книги, которые ты видела, они имеют лишь косвенное отношение к учению. Папа читает, да.

– Он тоже ходит на занятия? – похоже, в моем доме целый филиал.

– Н-нет, – Серёжа сказал это очень неуверенно, и я поняла, что он всё-таки мне соврал; на его лице явственно отразилась работа по *просчитыванию* ситуации – о чём можно говорить, а о чём стоит умолчать.

– Хорошо-хорошо, – улыбнулась я, сделав вид, что поверила, – разговор наш затянулся, да, ещё, вот повестка тебе к следователю, он с тебя хочет взять подписку о невыезде. Я не сомневаюсь в твоей непричастности к исчезновению Лады, но, кажется, ты у Мюллера «под колпаком».

Теперь я наблюдала за его реакцией. Ни один мускул не дрогнул на его лице – так, кажется, обычно пишут в романах. Знает он, что с ней случилось, уверена. Выдержка как у железного Феликса. Он рассматривал повестку совершенно спокойно.

– Хорошо, дам подписку о невыезде.

– Вот и славно. Кстати, на следующей неделе я улетаю в Турцию на пару недель, обратно задержусь в Москве, у Валена... Валентина Николаевича. Надеюсь, за три недели здесь не произойдет ничего экстраординарного? Джину не забывайте выгуливать. Кстати, от каких страхов тебя вылечила Галицкая?

– Основной страх – это страх не оправдать твои надежды, – ответил он с напряжением.

– Что ты такое говоришь, разве я тебя когда-нибудь запугивала? Твой отец тоже не оправдал моих надежд – может быть, красный диплом, отличные перспективы – ну и что, мы ведь живём с ним столько лет...

– И жили они долго и счастливо, и умерли в один день. Кого ты пытаешься обмануть? Я уже вырос, мама. И, прежде чем искать проблемы в других, поищи их в себе. Я уже вырос мама, поверь.

– Верю. А где твой отец, кстати?

– На дачу собирался. Он тебе забыл сказать – их в отпуск без содержания отправили. Вот хотел заняться строительством.

– А, понятно. Я, пожалуй, не поеду. Нужно подготовиться к отпуску, в парикмахерскую, по магазинам. А он что, не на машине поехал? И почему мобильник дома оставил? – спросила я, вспомнив, что видела телефон мужа в прихожей.

– Я подробностей не знаю, может, там не заплачено?

– Хорошо, разберусь, отдыхай, – чмокнула я его в щеку и вышла из комнаты.

Глава 9

Последующие дни прошли в суете и сборах, честно говоря, мне было уже наплевать, что сказал следователь, где мой муж, почему были грязные чехлы, что за странные стихи я читала; в мыслях я давно уже лежала на горячем песочке, принимала ванны в источниках, где купались царицы, смотрела в бесконечно синее небо и источала улыбки таким же улыбающимся туристам. Вот что меня могло привести в равновесие – море, солнце, доброжелательность, комфорт. Какое мне дело до вечных духовных исканий моих мужчин? Пусть забивают голову себе всякой дурью.

Нет, это я себя просто успокаивала, чтобы не портить себе отдых. В Анталье я познакомилась с одной москвичкой, которая почему-то удивлялась, что в провинции ещё водятся такие сногшибательные дамы. Очевидно, она предполагала, что у нас по улицам ходят исключительно медведи, а сами мы прозябаем в деревянных избушках.

Как, у вас есть даже интернет? Право, её наивное представление меня веселило. Короче говоря, время мы провели довольно весело, посещая бары и дискотеки (где, кстати, она не смогла блеснуть своим знанием английского или немецкого на худой конец), совершая экскурсии по побережью, и поглощая прочие радости беззаботного отдыха.

В аэропорту меня уже ждал Вален, и моя новая приятельница одобрительно кивнула; мы наскоро обменялись телефонами и попрощались. Вален стоял, скромно держа букет роз вниз головой. Я подлетела к нему и порывисто обняла.

- Наташка, ты просто огонь, а не женщина.
 - Знойности не хватает, согласишься. Широты, доброты...
 - С тех пор, как я тебя не видел, ты только помолодела.
 - Угу. Чем больше неприятностей, тем краше и краше. Чем больше трудностей, тем стервозней и стервозней. Шутка.
 - А я машину купил.
 - Игрушечную?
 - Игрушечных в этот раз не было, пришлось настоящую покупать.
- Машина ничего, даже погладить захотелось, «Ауди» сочно-вишневого цвета.
- Знаешь, Наташа, я теперь свободный мужчина.
 - Как, совсем свободный? Люди, люди, мужчина, свободный, машина, квартира, в расцвете сил. Надеюсь, в списке кандидаток я на первом месте?
 - Ты всегда на первом месте.

Вот это романтик, подумала я, втягивая запах пурпурно-красных роз. Романтик, хотя... Прагматичный романтик. Меня не обманешь внешним лоском манер, фразами и глазами с поволокой.

- Вален, ты просто чудо. Умеешь женщине сделать приятно. Извини, что я не выражаю соболезнования по поводу твоей свободы. Что с Нелей?
- С Нелей? Да с ней все нормально, не беспокойся. Просто я так решил.
- Почему?
- Я же те рассказывал в прошлый раз. Нетрадиционная религия. Хотя... Лично я бы и православную церковь назвал одной большой сектой.
- Вален, я устала, от отдыха иногда устают, немного подремлю...
- Конечно, конечно, – он откинул спинку кресла назад.
- Потом приедем, расскажу тебе... Драму своей жизни. Практически ремейк... – на этой фразе я зевнула и продолжать не стала.

Всё-таки хорошо, когда тебя везут в нужном направлении и можно ни о чём не думать. Оказывается, Вален жил сейчас в другой квартире, не стал затевать разменные дела с Нелей. Молодец, отметила я про себя.

– Ты извини, у меня тут ремонт в полный рост, совсем недавно переехал.

Квартира, конечно, не хоромы, но двухкомнатная.

– И давно ты развелся?

– С полгода как. Сначала, вроде, тяжело было, а потом стал удовольствие получать – от свободы.

– Словечко знакомое – свобода. Все ищут свободы. Между тем, у человека должны быть обязанности. Может, и мне поискать свободы?

– А что? Я – первый кандидат в сталкеры на этой территории.

– В сталкеры? И куда ты меня поведешь, дорогой, в какие аномальные зоны? Разве свобода – это аномально?

– В некотором роде да. Ладно, я на кухню, а ты прими пока душ, почувствуй себя как дома.

Какой заботливый кавалер! Может, я недоглядела чего-то в нем в молодости?

Всё-таки, блага цивилизации чего-нибудь да стоят! Если все начнут следовать этой дурацкой логике возвращаться к живой природе, города умрут. М-да... Зато все будут ходить в лаптях и гармонизировать с природой. Никому не понадобятся ни сникерсы, ни памперсы. Реклама умрёт, бизнес угаснет, как упавшая с неба звезда. Зато сколько простора для размышлений, самоуглублений, самокопаний. И Добро и Зло находится в равновесии.

Почему-то мне вспомнилось, что Серёжа ничего не возразил мне на абсурдное предположение, что чем больше в мире добра, тем больше требуется зла, чтобы поддерживать равновесие. Этот тезис вполне может оправдать любое преступление. Что-то он ещё такое рассказывал про то, как славяне моли об удаче и добрых, и злых богов... Смутные предположения снова стали разворачиваться во мне, как инсталляции. Есть какая-то связь этих рассуждений с неизвестными пока мне событиями...

– Наташа, все готово! – крикнул из кухни Вален, прерывая мои мысли.

– Сейчас, сейчас, только грязь с турецких берегов отмою!

Я надела свой ярко-желтый махровый халатик и намотала на голову белое полотенце. Вален уже накрыл маленький столик в комнате. Муж и сын умерли бы от такого чревоугодия, почему-то злорадно подумалось мне. Они уже замучили меня своими диетами. Последнее время я демонстративно перестала готовить. А здесь глаз радуется и мясу разных сортов, и сырам, и рыбе, и вину. Правда, немного не сочетается – зачем и вино, и шампанское?

– Ты что, весь месяц готовился?

– Да нет, экспромтом. Я совершенно забыл, что ты любишь.

Мы выпили французского вина за встречу, и я начала рассказывать. За что я ценю Валена – за его умение слушать. А уж моих «женских» слёз он принял на грудь за свою жизнь достаточно. Вален лишь иногда останавливал меня жестом, чтобы подлить вина.

– Все понятно, Наташа. Диагноз понятен. Обыкновенная секта.

– Что делать-то?

– А ничего.

– Ты издеваешься?

– У китайцев принцип был такой – *недеяния*. Каждый, конечно, понимает его по-своему. В общем, чем больше затрачиваешь усилий на что-то, тем дальше цель. И цена непомерная за победу будет.

– Что же, сидеть, сложа руки?

– Мне кажется, что «*принцип недеяния*» не означает буквальное отсутствие действия. Это у них выглядело примерно так: *совершенномудрый*, совершая что-то, осуществляет *недеяние*. Вызывая изменения, он не осуществляет их сам, создавая, не обладает, приводя в движение, не

прилагает усилий. Ты пытаешься вернуть всё обратно – а Серёжа сопротивляется. Мало того – секта, которая за него уцепилась, не так-то просто откажется от кормушки.

– Слушай, не пудри мне мозги.

– Наташа, милая, тут все как в физике – сила действия равна силе противодействия. Ты пытаешься сохранить свой корабль, в трюме которого завелись крысы. Крысы бегают из одного угла в другой, отчего корабль лихорадит, и он плохо управляется штурвалом.

– И?

– Ты, в свою очередь, несёшь вахту и пытаешься выровнять курс.

– Мне что, выбросить шлюпку и спасать себя?

– Попытаться принять это таким, как есть. Ведь не шторм это, понимаешь? Ну, бегают крысы. Может, они еду ищут? Кинь им в середину, пусть равновесие держат.

– Если ещё раз скажешь «равновесие» – я тебя просто убью. Кстати, в соответствии с теорией нашей «вождихи» Галицкой, я умножу добро, когда убью тебя... Погоди, – я схватилась за голову, какая-то мысль пыталась зацепиться в одурманенной вином голове.

– Что?

– Ничего. Вален, ты не понимаешь, я слишком много сил вложила в то, чтобы сделать свою семью процветающей и счастливой. И что, я просто так должна отдать это Галицкой, этой старой крысе?

– Я не призываю тебя к альтруизму. Но ты пойми – мужчина, он такое странное существо – либо пьёт, либо гуляет, либо дзен-буддист. Женщина должна либо принять это, как есть, либо оставаться одной.

– Какая тяга всех и все классифицировать. Системный подход! Лобачевский! Эйнштейн! Три в одном флаконе!

– Забыла третьего. Именно так – принять или не принять мужчину в одной из его ипостасей.

– Угу, ты, надеюсь, не к третьей категории относишься?

– Нет, я исключительно ко второй. Три класса образования – куда мне до высоких материй. Мы люди примитивные, отягощённые только основными инстинктами, причем, чем оперение объекта ярче, тем забавнее его преследовать...

– Это что, намёк?

– Намёк-намёк... Да не бойся, я не маньяк. Хотя... Если кто-то скажет, что ему не нравится, что женщина сопротивляется, и ему не хотелось бы взять её силой...

– Да брось ты. Что делать-то?

Вален игрался, как школьник. Впрочем, такой стиль разговора для нас был самым нормальным.

– Я ж тебе сказал. Либо прими, либо успокойся. Оттого, что ты вымотаешь себе нервы, твой сын не перестанет посещать секту. Он будет туда возвращаться, потому что там ему дают хорошее настроение, а ты для него сейчас почти враг. Поверь, я сам через это прошёл. Все эти поклонения, занятия... Я пытался иронизировать, потом вытаскивать, потом принять, как есть. А потом надоело. Мне сорок лет, и я не собираюсь тратить жизнь на женщину, у которой «съехала крыша». У каждого своя стезя, фраза такая, модного автора. Тоже, кстати, удачный компилятор истин, которые уже известны не одно тысячелетие. Если вообще что-то, что ещё не высказано? Точно так же, как все сюжеты давно известны, поверь, твой сюжет ничем не отличается от тысяч подобных, разве что вариациями.

– Какие-то все стали... неконкретными. Задаёшь вопрос – дают ответ, но вовсе не на заданный вопрос, или дают три варианта ответа. Было бы четыре – можно было бы подумать, что идет игра «как стать миллионером». Но у меня игра «как сохранить сына и мужа в составе семьи».

– В составе Российской Федерации? Что ты как президент на пресс-конференции. Я же тебе сказал. Сейчас ты отдохнула, восстановила силы. Приедешь домой, и всё встанет на свои места. Может, мальчик перебесится, переболеет, запретный плод всегда сладок, пусть попробует. У третьей категории мужчин есть только одна опасность – жёлтый билет.

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Даже домой звонить не хочется. Но проклятая интуиция подсказывает – что-то произошло за время моего отсутствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.